

*Теплый ветер веет с юга,
Умирает человек...
(Г. Иванов)*

ВЗЯТКА

– Алексей Александрович, к вам можно? – он заглянул в аудиторию, после того как оттуда выскочила огненно-рыжая Аня, довольно улыбаясь.

Отсвечивающая сединой массивная головане повернулась и промолчала. Он проверил закрытую дверь, подошел. После короткой паузы Алексей Александрович, глядя перед собой, задвигал бумагами и достал ведомость.

– Ваша фамилия?

– Шипулин, – голос его звучал слабо.

Толстые и притом длинные пальцы с зажатым карандашом остановились в конце списка.

– Что же, Андрей, не хотите сдавать «Конституционное право»? – преподаватель так не поднял глаз от ведомости.

– Да... некогда учить. Работа, времени не хватает, а экзаменов – шесть штук, – в голосе спешка и податливость.

Преподаватель напротив был уверено спокоен.

– Понятненько. Что хотите? – Алексей Александрович продолжал изучать ведомость, точно видел ее первый раз.

– Четверку, если можно.

– Четыре? – по лбу преподавателя поползли глубокие полосы. – А как посещаемость? – он достал журнал. – Пропуски есть, но немного, совсем немного. Даже жаль, что не сдаете.

Андрей хотел было что-то ответить, но нерешительно молчал.

Алексей Александрович достал толстую тетрадь, придвинул к Андрею и впервые прямо, без вопроса, посмотрел на него.

— Это вам подойдет?

На пустой странице — цифра. Со стороны казалось, он не знал, что нужно делать дальше и чего от него ждут. Андрей дернулся суетливо к карману и положил деньги. Посмотрел на преподавателя. Тот быстро захлопнул и забрал тетрадь. Смотрел в ответ добро и с улыбкой. Записал в ведомости.

— Зачетку.

Андрей подал.

— Ну что же вы! — преподаватель кивнул на пустую строку и стал заполнять.

— Извините, я как-то раньше не... — бормотал Андрей.

— Правда? — сановитый Алексей Александрович, который представлялся больше в холеном кабинете, чем в бедной аудитории с ещесоветскими портретами Героев Труда, удивился, но ничего больше не сказал и протянул зачетку. — Ну, желаю удачи.

Андрей быстро вышел в темный коридор, где своей очереди дожидались однокурсники, перехватил взгляд и шепот Толика:

— Ну и сколько?

ВСТРЕЧА

— Сто пятьдесят в час, — парень в коричневом свитере с белыми оленями достал новенькие коньки. — Размеры есть пока.

— Четыре пары, — Андрей подсчитывал в уме сколько есть денег.

— Меня тоже на лед выпустить хочешь? — улынулась сзади мама. Марина беззвучно хихикнула, чтобы не обидеть его.

— Тогда три. Мужские сорок второго, женские и детские. У вас какой? — повернулся он к Марине и Павлику.

— У меня тридцать седьмой. У Павлика — двадцать восьмой, — Марина посадила на скамью и стала разувать мальчика

лет пяти. В дутой курточке он напоминал маленького пингвина.

Он жалел, что взял Марину с ребенком на открытие ледовой площадки. В краснойпуховой куртке и с растерянными глазами на стареющем лице, её было жаль. Снова мерещились мамины попытки сватовства. Едва не со школы, сколько об этом было переговорено, два-три раза в год мама неуклюже пыталась свести их. Потом Марина вышла за здорового слесаря с машиностроительного завода, родила Павлика. Платили на заводе мало, работали много. Любовь не сложилась. Через год слесарь начал бегать в ларек за водкой и буянить. Пропадал ночами. Когда тот гудел в квартире, Марина приходила к Шипулиным, на два этажа ниже, жаловаться, часами сидела с Павликом у мамы. Потом ей стало доставаться, и Андрей пару раз заваливался к ним с милицией. Слесаря забирали, утром выпускали и всё повторялось. На заводе стерпели пару загулов, потом погнажи. Кончилось всё нынешним летом, когда напротив своих же окон, посрединейулицыслесарь встретился с грузовиком. Павлик проснулся от визга колес, Марина выругалась, что снова гоняют за полночь, взяла мальчика к себе в кровать и тот, успокоившись, засопел. Утром Андрей получил нагоняй от редактора: «У тебя под носом! Какие бы кадры!»!

На льду Андрей стоял хуже депутатов. Грузные и округлые, в полушубках или длинных пальто, они окружили ковровую дорожку; протопал мэра. Заиграла музыка, на лед упала пурпурная ленточка. Сзади, у борта, ломано двигаясь, ехали Марина и Павлик. Из толпы Андрею махала мама. Подход прессы: цифры, благодарности, успехи. А самому, поговаривают, недолго осталось. Всё, по льду поехал народ. Слухом – на мэра, одним глазом смотреть за Мариной и Павликом. Она на льду еще хуже сына, так что это еще кто кого тащит... Павлик оторвался от Марины, раскатился и въехал в пухлого малыша-одногодку. Оба шлепнулись на лед. Андрей отвернулся от мэра – все равно ничего не скажет – и кинулся к ним.

Дорогу вдруг перегородила большая пушистая шапка. Мелькнуло румяное, дышащее свежестью юности лицо, веселые глаза

с блеском, как из сказки, звенел серебристый смех. Андрей замер, чуть не столкнувшись, случайным движением придержал изящную талию. Извинился, поехал дальше, но тут же остановился и оглянулся на задорное, словно детское от радости лицо с кольцом густого меха вокруг.

Оба малыша уже стояли на ногах и смеялись, а дама в лоснящейся норке отчитывала Марину. Та смотрела по-птичьи испуганно и молчала. Подъехал отец мальчика, в котором Андрей узнал молодого депутата и успешного коммерсанта Богомолова. Плотное уверенное лицо сливалось со светло-коричневым строгим пальто, перетекало в поблескивающие ботинки. Иван Алексеевич – из неожиданных депутатов. Внезапно появился и сразу наверх, недолго среди себе подобных.

– Лиза, всё в порядке? – Богомолов наклонился над малышами, узнал Андрея, заулыбался. – Здравствуйте, здравствуйте. Ваш сорванец?

– Сосед мой! – Андрей потрепал Павлика по голове. Богомолова он знал плохо, пару раз брал комментарии. – Тоже вот каток пробуем. – Вдруг Андрей подумал: сколько стоит его пальто? И Лиза эта одета не на зарплату. Его, Андрееву, зарплату. Это он еще машину не видел... – Кажется, все носы целы, всё в порядке?

Девушка в норке недовольно шмыгнула и сунула Богомолову сумочку:

– Отнеси в машину. Мы со Славиком переодеваться пойдем. Такая толпа набежала, не продохнёшь.

Марина стояла, так ничего и не сказав. Андрей улыбался Богомолову. Тот кивнул Андрею и отчеканил:

– Рад встрече. Увидимся, как говорится, на работе.

– Всего хорошего, – Андрей подумал, что сейчас они уйдут, и Марина будет шипеть, что эта коза в шубке на нее налетела и, вообще, жируют сволочи.

Взял Павлика за ворот:

– Еще кружок, банда?

Марина заиндевила лицом, сжала губы, толи от мороза, толи

от обиды.

– Нам домой пора. Наталья Николаевна уже замерзла там, – она показала глазами на борт, за которым стояла мама.

Лишь бы она её «мамой» как-нибудь не назвала.

– Да ладно тебе! – он улыбнулся Марине. – Круг еще! А то даже не раскраснелись.

Андрей схватил Павлика и медленно скользая, они поехали.

А ведь ты сам напрашиваешься. Как ей на тебя с сыном глядеть? Про Богомолова не сказала. Сильная все-таки. На меня бы такая Лиза налетела, в лед бы втоптал. Может, не случайно мама импирогии носит?

Андрей поддерживал Павлика и искал в толпе мохнатую шапку. Вспоминал коротенькое пальто, мельком схваченные, обтянутые черным, изящные черты. И белые коньки как на ней сидят! Тут у всех женщин белые, у Марины тоже, только это не то совсем. Совсем не то... Что ты о ней думать не перестаешь? Студенточку захотелось? Бархатистая кожа, свежая грудь, ясные верные глаза... Она лет на десять тебя моложе. Может, на семь. Если не на пятнадцать. Отец суровый дальнбойщик и старший брат боксер. Ну, самбист. Эй, одернул он себя, завтра про всё это писать. Мэры, депутаты, ленточки. Савельич мозг выгрызет, почему так мало текста. А с чего тут будет? Престарелых конькобежцев опрашивать что ли? Не видно её, уехала, похоже.

– Это кто там подошел к вам, когда Павлик упал? – спросила мама, когда вышли с катка.

– Богомолов. Есть у нас такой, депутат молодой, – Андрей усмехнулся случайной рифме.

– Ты с ним держи себя повежливее, сынок, хоть вы и ровесники почти. На работе говорят, он – будущий мэр.

– Не слышал, – хмыкнул Андрей. Он смотрел на тихонько стареющую маму. Десять лет на пенсии, работать не перестает. Сидит вахтером в школе, гоняет сопливых и поставяет исключительные слухи – сам такое не накопишь.

– Отец его главным партийным у нас числился. Мы учились вместе. Красавцем ходил, – вздохнула отчего-то мама. – Потом

в твой институт ушел. Алексей... Александрович, кажется, – Андрей скривился. – Городской общественный совет возглавляет.

– Не слышал, – глухо ответил Андрей.

Вышли к перекрестку ион облегченно вздохнул – нужно расходиться. Бабушкина квартира, насквозь пропитанная духом застоя, где он жил и неохотно, медленно делал ремонт вот уже третий год, находилась в другом от мамы районе.

Подмигнул Павлику.

– Еще кататься пойдём?

– Пойдем, пойдём!

– Ладно, я позвоню, – улыбнулся маме. Всегда улыбайтесь мамам.

Марина щурилась на Андрея. Что ты так смотришь? Думаешь, не понимаю? Понимаю. Но не могу.

– Когда б мы еще сами ходили! – щурится, глаз не спускает. – Хоть Павлик от телевизора отлип. Спасибо, Андрей!

РАБОТА

– Пожалуйста, пожалуйста! Проходите.

А еще всегда здоровайтесь с уборщицами. Уступайте им дорогу. Даже если в подъезде грязно, стены загажены и обшарпаны, краска полопалась, потолок в черных пятнах сгоревших спичек (лакомое развлечение шпаны) даже если вид подъезда испортил настроение, гнетущее с утра нового дня.

Пройдешь торопливо, вырвешься на улицу, вздохнешь глубоко. Здесь дышать свободнее. Но не легче. Ступеньки к подъезду разбиты, на лавку лучше не глядеть. Чего сам не починишь? Не хочешь. Не трудно, нет. Не хочешь – как тот профессор у Михаила Афанасьевича. А еще зима, холод, темно и фонари не горят. Недавно над твоим подъездом горел один единственный на дом. Потом и он потух. А вот аптека есть, как положено. Денег на нее нет.

Съездившись в слабом пальто и жалея, что кофту теплее

не надел, Андрей спешил в редакцию. Под ногами скользило и поскрипывало. То справа, то слева из сизогозимнего утра вырастали фигуры: шофер Валера в ушанке, махнув ему, топал на автобазу, баба Дуня из первого подъезда уже кормила кошек. Подырявойобочинетащили детей в сад уставшие с утра женщины. Дорогу им освещали редкие автомобили. Шаркая, в школу косолапили ученики с громоздкими рюкзаками, достававшими им до колен.

Праздника в городе не чувствовалось. Елку в площадь воткнули, две худосочные гирлянды повесили, вон, горят через улицу — красная и зеленая — а он не чувствует ничего. Раньше готовился маму поздравлять, приходили с Петькой, а у нее уж накрыто всё, телевизор балаболит. И подарков не хочется, а покупать нужно всем, и Марине (а то мама обидится), а лучше Павлику — он хотя бы обрадуется натурально. В прошлый раз мама просила прийти к Павлику Дедом Морозом. Андрей испугался, что Марина увидит в нем семьянина или подумает, что он нарядился из-за нее. Мама обижалась неделю, но это было легче. А Петьке куплю новую катушку к спиннингу. На днях с ним на подледную собирались, а с этой, скажу, летом на водохранилище поедем.

Над редакцией теплился огонек. Внутри душно и пусто. Андрей приоткрыл окно, послушал изменчивую тишину города и сел писать об открытии катка. Хотел закончить к утренней летучке, когда Савельич вернется с понедельничного совещания в мэрии.

Скоро редакция начала собираться. Их пятеро по штату и нужно дважды в неделю забивать четыре полосы. Половина места: приказы, объявления, отчеты мэрии и закрыть номер нетрудно. Они выпускали заметки без спешки, часто лениво, растягивали пошире фотографии. Андрей держался здесь уже четыре года, потому как больше ничего печатного в городе не водилось. По соседству — такие же районки. Есть муниципальное радио, телеканал, но там трясина еще цепче. У них хотя бы Савельич с которого Андрей выбивал, что мог, ездил куда хотел,

не так уж часто резал ленточки и сидел на отчетах.

Ближе к обеду (по коридору) протопали тяжелые шаги, Женя за соседним столом (после института пришел, полтора года здесь) схватился за блокнот и скорчил Андрею рожу – Савельич всегда хмурый приходил из мэрии (что там говорили, никогда не узнаешь), указ в зубы получишь (для впечатления о насыщенной деятельности), а потом можно подойти к Савельичу выколачивать дело.

Первой поднялась Варвара Ивановна, газетный ветеран. Таких держат для стабильности, лица издания. Молодые на лицо не тянут. А эти в самый раз.

– Что ж, молодые люди, пойдете? – она за их поведением следит, смотрит с пренебрежением. Кроме них больше не за кем. Дмитрий Сергеевич, еще один ветеран, настоящий, фронтовой, болеет. Он болел по полгода и все время выпускал статьи. Вертихвостка Настя якобы гриппует. Женя бегаёт за этой блондинистой уже месяца три. Довела до того, что он пишет за нее половину текстов и вот сделал через тетку больничный. Теперь она днями ходит по магазинам, а вечерами таскает Женю в кино и кафе – при его-то зарплате! Да, еще Петр Петрович. Его, как всегда, нет. Не мудрено. Воплощение аппарата мэрии в печати и серый кардинал. Числился помощником Савельича, а что делает, непонятно.

Высокий и широкий, в мохнатом свитере, Савельич с гримасой старого льва нещадно дымил на весь, забитый чем попало, темный, похожий на берлогу, кабинет. В перерыве он махнет петухастую рюмку и будет разить сладковатым табачно-коньячным дыханием.

– Валерий Савельич, сколько раз я просила при мне не курить? – Варвара Ивановна отмахивалась ладонью и закатывала глаза. Говорили, в юности она собиралась в театральный, но случайно родила от машиниста депо. С тех пор трудилась в железнодорожной газете «Локомотив», пока ту не прикрыли по оптимизации.

– Ах, да. Извините Варвара Ивановна, – Савельич попытал-

ся изобразить виноватое лицо. — Хотите, окно открою?

— Чтобы меня окончательно продуло? — она возмущенно шмыгнула носом.

Что в Савельиче хорошо — не любит тянуть кота. На Андрея легли выборы председателя депутатов в среду, Жене достались две ёлочки в детских садах с участием мэра — там открывались новые группы, Варваре Ивановне — отчет по культуре и успехи агропрома. Когда делили ёлки, Савельич глянул на Андрея, тот скосил глаза в сторону Жени.

— А что мне две ёлочки сразу? — капризно возмутился тот.

— Ничего, ничего. Андрей только вчера каток открывал, — бархатисто загудел Савельич таким тоном, будто Андрей открывал консервную банку. — Кстати, что этот каток?

— Готов, как пионер! — Андрею нужно сегодня его расположение.

— Посмотрю, — буркнул шеф. — А ёлочки это ничего, — он любил по-хозяйски поддержать молодого и обиженного. — Подарки получишь, конфеты, мандарины там...

Кто не знает, у корреспондента две задачи: забить пустоту в верстке и не пропустить фуршет на событии. Опытный корреспондент, — который еще на планерке рассчитал возможность фуршета. Возьмите приезд губернатора, ленточки резать. Или конференцию, фестиваль задрипанный какой-нибудь. Правильный организатор «бантика» знает — настрой заметки зависит от настроения прессы, тире, от качества фуршета.

— Всё вроде, — хлопнул по привычке в ладони Савельич и уставился на них.

Ну, давай, хмыкни устало. Или скажи с недоумением: «Вопросы, Андрей?». Нет, ты знал, что я останусь и стану закидывать удочки, потому и не заставил отписывать ёлочки — проклятая рифма снова лезет — и если бы Андрей ушел, тыдаже расстроился бы.

— На Рельсовой, дом пятьдесят, уже пару месяцев порыв канализации в подвале. Жители звонили. Кто-то приезжал, даже залатали, но там похоже вся труба пошла, — аккуратненько, как

учили, чтобы наживку Савельич почуял, но не пугался, бытовуха и бытовуха себе.

Савельич отлепил глаза от бумаг, глянул вяло.

– Говорили что-то на совещании. Обещали разобраться.

– Как всегда, Валерий Савельевич.

– Ладно. Хочешь? У тебя выборы в среду, помнишь? И еще что-то может выскочить. Завтра езжай тогда. Только не с выборами в одном номере.

– Тогда отчет по культуре тоже вставлять нельзя, – Андрей сразу никогда не сдавался. Не пугайся, свеженькая такая, простенькая бытовуха, политикой не отдает совсем.

– У них же там всё в норме? – шеф добавил в голос баса. Номер газеты с выборами должен блеснуть глянцем.

– По статистике только. Как Варвара Ивановна перевернет закрытие библиотек в селах? Как оптимизацию районных площадок?

– Да, тоже нельзя, – морщился Савельич. Изредка Андрею становилось его жаль. Корреспонденты ездили, спрашивали, писали. Отправляли редакторам. И потом видели только номер газеты. Андрей, глядя на него, часто думал: каково это – брать в руки правду и резать, резать, резать?

– Валерий Савельевич, там еще одна тема... – Андрей выдержал паузу и метнул удилицеподальше. – Станный какой-то случай, даже для нас. Говорят, на Говорливой шахте в бараке семья до сих пор живет.

Название шахты пошло от местной легенды. Сразу после войны там завалило бригаду. То ли пленных немцев, то ли наших из немецкого плена. И с детства Андрей слышал рассказы, как по ночам из подземелий доносятся глухие вопли – то ли на немецком, то ли на русском.

– Там же давно никого быть не должно? – впервые в глазах Савельича блеснуло внимание.

– Говорят, даже ребенок там... Я посмотрел – все бараки, конечно, аварийные. Отселяли их потихоньку, у нас на это все новостройки уходят. И, конечно, не хватает. Но бараки в Крас-

новке и в Березовке — это посреди поселка. Свет, вода, газ даже местами. А так чтобы одни, да на брошенной шахте...

— Это даже для наших оболдуев перебор, — Савельич смотрел грустно. Но ты же знаешь, нужно ехать, смотреть самим. Крючок проглочен. И ты отпустишь меня. Кто кроме меня будет латать эти дыры?

— Не знаю, Андрей. Болтовня, верно.

— А если, правда? Это же скандал такой, что...

— А у нас выборы... — хмурился снова Савельич. Теперь ты меня точно отпустишь. Потому что лучше мы будет знать, чем кто-то тамчирикать губернатору.

— Ладно, ёлочки разгребем, а там езжай. Только аккуратно.

Всё, подсечка. Быстро встали и уходим. Дверью не хлопаем, чтобы не передумал. Но сначала по дому на Рельсовой. Дело пахнет скверно. Наверное, снова большой порыв канализации. Как недавно на Ленина, а до нее на Колхозной, а перед этим на Октябрьской, а до того на... не помню уже. Конечно, залатали, пару дней заплата терпела, потом снова. Теперь над разливом на первых этажах дышать невозможно. Что же за сволочизм такой?

В стеклянном павильоне торгового дома Андрей купил пожарную машину Павлику и катушку на спиннинг брату Пете. Дороготратиться в Новый год у них не водилось, но теперь вдруг захотел. Взять лучшую, поблескивающую на верхней полке, денег не хватило, Андрей купил подешевле, но вполне сносную, и когда выходил с ней из павильона, знал, Петя будет доволен. Денег почти не осталось. На днях, вместе с авансом, должны выдать за весь декабрь. Все четыре года в газете Андрей жил полувпроголодь: хватало на коммуналку и еду. Раз в полгода набирал на джинсы, рубашку или свитер, покупал получше — получалось дешевле (ненормальная какая-то рифма сегодня). А еще учеба. На очный нужны деньги, пошел заочно — там легче. Андрей сам не знал, почему учился плохо. Это казалось нормальным — якобы, какая жизнь, такая и учеба. И даже несколько раз покупал экзамены — благо, недорого у них. Потому что инсти-

тут слабый, потому и берут на раз-два. Изредка можно сходить в кафе. Несколько раз приглашал девушек, но на кафе всё и заканчивалось. В местный театр приглашать стеснялся. Ходил сам, один. Туда его, как прессу, пускали бесплатно.

Узнал, что Петя вечером у мамы и сначала идти не хотел, но мама могла обидеться, он и так резко отвечал на ее намеки о Марине, и на катке вчера с мамой почти не говорил. Теперь она рада, он и Петя, оба с ней, как в праздник. Петя по-ребячьи радовался катушке, «Опять ты за свое!», — отвечал Андрей, когда мама спрашивала, что он подарит Марине, смеясь, качал головой, «Не за свое, а за твое», — парировала она. «Что мам, все сватаешь младшего за соседку? — подтрунивал Петя, — и тебя охомутать решили до гроба? Бабу с ребенком взять, это вам не на рыбалку сходить, — махал он радостно катушкой, — это иль богатая и красивая должна быть, иль он — дурак, а это нам подходит», — трепал он Андрея по темечку, а мама оправдывала Марину, защищала ее Павликом. Андрею снова захотелось уйти, и он заговорил о рыбалке. Петя лишь на эту тему мог променять шуточки. Добрый он у него все-таки, Петя. А вот он, Андрей, — нет... нет в нём, как в Пете, добра ко всем. Хотелось добра, а не было. И людям, случалось, как мог, помогал, работал вроде честно, ни от других, ни от себя упрека не слышал, но не было в нем добра.

А была злость, сухая, костлявая злость — всё не по нём: и Марина эта с ребенком, маму подговаривает и жалуется на него, что без внимания к ней, а сама ни разу ему не открылась, не сказала прямо, потому что тогда бы все кончилось, и она знала это, и Савельич — мужик хороший, крепкий, да только, как и все, бегают за указками к заместникам нашим, возделыватель территории хороших новостей — выкинут ведь, а на пенсию поди — проживи, да и Петя брат — мужик бравый, добрый, весельчак даже бывает — без образования и без желаний — с работы придет, пульт на пузо и щелкает каналами — женился на Зине по залету, та возьми и аборт сделай — так и не развелись, живут непонятно как, а Петя стесняется, никуда с ней не ходит,

за три года в область носа не высунули, и мама... нельзя, мама, про тебя думать плохо, не могу плохо... не понимаю только как они живут — все твои подружки с дворовой лавки, все кошки, которых кормишь по утрам, все бесконечные пошлые скандалы по бесконечным, воняющим тухлятиной телеканалам, все это потребляют и радуются, а он не может радоваться, кипит что-то там у него внутри, и не выкипает добром — ни к своим, ни ко всем... И всё это тебя перепашет, пройдет через тебя, накопится внутри, где кипит, чертовщиной, а вокруг все безумные, с невинными лицами. А Петя тут как тут, ибудто вчера родился:

— Ну как дела-то?

ЛУЖА

— Дело наше — труба, парень! Ты эти морды видел? Блестят как начищенный самовар! А кто наворовал, так его на почетное место, где потише. Или губернатором куда. Потому что там все — свои. Это мы им — чужие... — мужик с коричневым, плотницким загаром, с седой щетиной, в черном ватнике и спортивной шапке, обдал густым перегаром, лязгнул в амбарном замке ключами и открыл подвал. Из темноты пахнуло смрадом.

— Давно прорыв? — Андрей съежился от мороза и вони.

— Тридцать лет у станка пахал! Детей поднял, хозяйство завел. А завод взяли и продали. По частям. А потом ночами вывозили на грузовиках всё что осталось. Приходим утром, а через проходную не пускают никого. Документы даже не отдавали, потом только, — он включил фонарь и стали спускаться. — Был, значит, завод — государственный. Общий как бы. А тут приезжают какие-то — морды что тыквы — на джипах с охраной и говорят — наш завод. Как так вышло, не знаешь? — мужик обернулся, и Андрей заслонился от фонарного луча.

В подвале стоят липкий вонючий смог. Под ногами захлюпало.

— Здесь под ноги смотри. Заводы, значит, чьи-то. Поля чьи-то. Рынок здешний один к рукам прибрал, — они шли пооблом-

кам досок и битым кирпичам. Свернули в один проход, потом в другой. Свет с улицы исчез, дышать почти нельзя.

– Приезжал кто-нибудь? – захрипел Андрей.

– Говорят, это, которое в лампочке светит, – мужик потрепал фонарь, – тоже чье-то... как так вышло?.. А газ, нефть, железо... тоже кто-то себе забрал? Ловкие ребята. И вроде как никого не обворовали. Оно же ничье считалось – а теперь их. Спроси меня – у тебя, Михалыч, украли чего? – нет же вроде, наоборот, квартиру приватизировал, гараж вот оформил, дачу, но не пойму я все равно, – мужик показал фонарем вперед. Насколько хватало света, стояла громадная лужа болотного цвета и густо парила. – Что же выходит, парень? Наше это только вот это? – он показал на лужу.

– Звонили куда? – прикрыв нос, Андрей всматривался в лужу, будто хотел в ней что-то разглядеть.

– А как же – жалуемся! Приедут, скажут – сделаем. Мы через недельку снова звоним. Снова приедут, посмотрят – сделаем, говорят. А что им? Она же не у них на площади перед Ильичом? Пару раз, правда, чинили. Дня три держится труба и снова.

– И давно так?

– Да с лета.

Наверху к ним кинулись бабки.

– Видели? Мы и писали и звонили, – тычут в лицо документами. – И ответ, вот, сынок, аварийное состояние трубы... средства заложены... куда заложены, не знаем, всё течет да течет. Скоро вместе с домом уплывем...

– В квартирах что? – Андрей пытался отдышаться.

– Да вонь!

– Ну, у меня еще ничего, – улыбнулся мужик. – Проветришь и нормально.

– Так ты, Михалыч, на третьем живешь! А на первом что? Вы пойдите, поглядите!

– Пойду, пойду... вы мэру писали?

– И писали и ходили! Он прикажет помощнику. Помощник – руководителю отдела. Тот – начальнику ЖЭКа...

– Как всегда. А куда на первый этаж зайти можно?

– Да вот хоть к Матвеевне. Над самым порывом живет, – кто-то показал на ближний подъезд.

– Точно, к ней! – скомандовал мужик, и они зашли в подъезд. – Она на заводе еще до меня работала! Сейчас уже старая совсем, а была– огонь баба! – они дошли до двери. – Да и не просто так – блокадница!

– Как блокадница?

– Да так, из Ленинграда.

Скрипучая дверь, облезлый подъезд, темная прихожая, непривычно открытая дверь, свет не включен. Тишина, непонятная тишина, даже Михалыч затих. Только где-то дребезжит холодильник.

– Матвеевна! Из газеты пришли. Хотят узнать, как ты тут.

В комнате глухое шевеление. Из потемок– нагромождение тряпья на диване. Андрей тепло одет, но почему-то холодно. Михалыч проходит вперед и включает свет в комнате. Нагромождение – это дряхлая старушка. Лица почти нет, только черные глаза. Сидит, смотрит на него. Как трудно дышать. Воздух не вонючий, а тяжелый, будто густой прокисший кисель. Но дышать больше нечем. Андрей не знает, что ей сказать.

– Здравствуйте.

Старушка молчит и только смотрит. Маленькая комната плотно обставлена: диван, стол, сервант, кресло. В серванте тусклый хрусталь, над диваном во всю стену ковер бардовой палитры. Мебель темно-красная, как и покрывала, в которые завернута старушка – цвета запекшейся крови.

– Как вас зовут? – почему-то кричит Андрей.

Старушка словно просыпается.

– Настей меня звать, – произносит быстро, детским голосом. – А по документу– Анастасия Матвеевна, – в покрывалахона напоминает сморщенного, дряхлого ребенка, который не понимает, зачем его отвлекли от одиночества.

– Что здесь у вас происходит? – снова орет Андрей.

Глупые, тупые вопросы, тупые и глупые. Но нужно что-то

говорить, обязательно что-то говорить. Кажется, если не заставить ее отвечать, двигаться, она гуще укутается в тряпках и умрет. Он задает еще несколько вопросов, лицо ее немного проясняется, глаза светлеют. Словно детский, голос твердеет, и старушка прорывается рваным, скрипучим потоком речи:

— Как холодать начало, так и прорвало у нас. И не чинит никто. Забыли, видать. Полвека живем здесь, никогда не видали такого. После войны на заводе работала, на пенсии уже как Союз развалился. А сюда приехала после института, как замуж вышла. Комары тут у меня. Из подвала летят. Дышать-то нечем совсем. Помру, видать, скоро.

— Мне сказали, вы... блокадница? — Андрей говорит тихо, боясь об этом спросить. Старушка молчит, словно думает, блокадница она или нет. И тогда на щеках ее выступают слезы.

— Одиннадцать мне, сынок, было, когда немцы пришли. На улицах люди валяются. Зимой, в феврале, братик помер, он в кровати лежал. А рядом родители. Они ходили еще, потом лежали, и я рядом с ними. Потом папа умер, а следом мама. Пришли их забирать. Один из них нож достал, у папы с ногиотрезал кусок мяса. И унесли их закапывать, — она говорила спокойно, слезы по ее лицу текли без удержки.

Андрей перестал чувствовать запах из подвала. Потом развернулся и, ничего не сказав, пошел к двери. Остановился в коридоре и посмотрел на кухню. А если тоже взять тупой нож, такой же тупой щербатый нож, каким в блокаду резали ее отца, и зарезать их всех. Чтобы нам всем легче было.

На улице странно светло. Точно — день же, декабрь, год кончается...

— Ну, еще куда пойдём? — рядом засопел притихший Михалыч.

— Нет.

— Тогда пошли депутата встречать.

— Какого депутата? — Андрей слышал его плохо, будто со сна и смотрел не понимая.

— Молодого, какого! — заулыбался Михалыч. Он снова пове-

селел.– Как узнали, что ты из газеты приехал, давай снова звонить. Ну, вот объявился какой-то.

На улице от свежего воздуха сдавило грудь, Андрей глубоко вздохнул, и зашумело в голове. На углу дома, сбившись в кучу у высокого человека в пальто, голосили бабки. Он узнал Богомолова.

– Ну что вы! Конечно, всё исправим... уже завтра исправим всё! Это полная бесхозяйственность вашей коммунальной службы! Ответственные понесут наказание, – уверенно и громко, так что Андрею было слышно, заверял депутат. Потом он достал телефон и снова закричал в трубку о том, что они понесут ответственность, что это все бесхозяйственность, и что завтра же всё должно быть исправлено.

Андрей вдруг заметил, что они с Богомоловым совсем ровесники. На катке, когда малыши столкнулись, не заметил, а здесь сразу. Видел его на трибуне в администрации, на сцене в зрительном зале. Он и сейчас казался выше Андрея, взрослее, держа строгость в лице и осанке, размеренно и важно произнося слова и двигаясь. Но ясно видно, они едва не одногодки. Андрей вспомнил его сына, девушку с лицом из журнала в норке, старушку-блокадницу. Странно всё складывается.

Депутат уже дошел до мэра. Снова говорит бабкам – никому из них и сразу всем. В сложившейся ситуации просчет и ошибки администрации требуют кардинальных преобразований системы взаимодействия органов исполнительной власти. Как они это выговаривают? Андрей смотрел устало и чуждо. Он всё это напишет. И пусть прочтут. Депутата не перекричишь. Вы же сами не позволите. Вы ему уже поверили. Он вам уже нравится – молодой, смелый. Приехал, наорал на коммунальщиков, осмелился брякнуть на мэра. Говорит хорошо, лучше Андрея. И красивее. Вас на большее не хватает, вы перед ним как овцы перед пастухом, и вам это нравится. А если бы какой-нибудь... президент? Вы бы визжали от восторга. Этот ничего не видел, в подвал его не затащишь, а уже командует вами. И вы готовы. Укажи цель, мы пойдем. Мы даже поползем. Поставь цель. Большую и свет-

люю. Вас ведь бросили эти большие и грозные, с золотыми погонами. Бросили на пути к вашим фантазиям. А он вас не поведет. Он готов. Он хочет. Он уже хочет вас, а вы его. Только идите за ним, и всё будет. Пусть лишь в ваших головах.

Ублюдничество.

* * *

Позвонил Савельич.

— Ну как там? — шеф был в духе.

— Жуть. Срочно нужно выдавать. Тут такая история...

— Обожди, выдадим. Тут срочно дело. Про елку в первой школе забыли. Туда из детского дома приезжают. И мэр. Подарки дарят. Начало через час, езжай сразу оттуда.

— Как же, а статья? Тут такое творится... пошлите еще кого-нибудь.

— Да нет никого. Езжай! Отпишешь быстро, чего там? Никуда не денется твой порыв.

— Так я же в номер могу не успеть...

Трубка замолчала. Савельич иногда перегибал. Андрей стал наливаясь злостью. Ну, какого рожна?! — брось все и окучивай мэра.

Когда вошел в школу, перед глазами — закутанная в багровые тряпки старушка-блокадница. И вдруг — мама на проходной. Закуталась от холода в большой серый платок, жметя себе в углу. Он едва ее узнал. Мама улыбнулась, но при людях стеснялась сказать ему. Андрей был не против ее подработки на пенсии, но сжималось внутри, когда видел ее здесь. Он улыбнулся, но тоже почему-то ничего не сказал и прошел дальше.

В школе все кипело. Под грозные окрики бегали стайки учениц, суетливо каблуками стучали учительницы. Мимоходом подмигнул директор, это значило — заходи после, накачу по-хозяйски. Бар у него что надо, Савельичу далеко. В актовом зале музыка, плакаты, школьники вытянуты в линейку. Где-то в углу кучкой ребята из детского дома, заметные бедной одеждой и дикими глазами. В центре елка в огромных шарах. Они же сейчас и Деда Мороза притащат. У них за него Васильевич, один на три школы

сантехник. Хоть подработает. А может, и нет.

Андрей пристроился в стороне, где меньше гама и знакомых. Рядом готовилась раздача подарков. Пухлая женщина в лиловом платье, стареющая психолог или завуч, бойко раздавала пакеты ученицам в форме и почему-то в пилотках. Они щебетали вокруг нее так, что мельтешило в глазах.

Кивнул съемочной группемэрского телеканала. Снимали всякую мерзкую чушь, у дома блокадницы их не застать.

— Ну и рожа, все-таки! — громко шептал корреспондент оператору. Андрей увидел на экране камеры выступление мэра. Прогремел гимн, вздернули флаг, чередой поздравлений. Действительно, приехали из области. Зачем? Хотя, время рабочее-то идет...

— Опа! Гляди какая! Ее бы... — гудел в ответ оператор. Теперь он снимал строгие ряды учеников.

— Да, всё на месте... Не оскудела провинция.

Андрей подошел к камере и увидел ее. Он как-то в единый миг узнал её, но сначала как-то даже не понял, что это она. На ней темно-синяя форма как у остальных, аккуратная пилотка, которая делала девушку еще заманчивее, чем веселая пуховая шапка вечером на катке. Она смотрела на выступление мэра исмешливо улыбалась.

— Глазка, губки... где мои семнадцать лет? — ёрзал рядом корреспондент.

Андрей поднял глаза от экрана камеры. Закончилось выступление, начали дарить подарки. Все смешались, слились. Басисто распевая, мэр водил хоровод с детьми вокруг елки. А Васильевича-таки притащили. Как бы не упал в красном халате. Андрей жадно шарил глазами по толпе. В этой суматохе не разглядеть. Он клял и возносил эту ёлку, Савельича, который заслал сюда, и думал, что если не найдет её, всё будет не так, неправильно и пойдет не как должно пойти. Но её нигде не было видно. Вокруг радовались и поздравляли, куда-то бежали, что-то таскали. Горланил Дед Мороз, будто его били. Окруженный учителями, что-то торопливо обещал красный, разгоряченный мэр. Андрея схватил

и пытался куда-то утащить директор. Андрей обещал, что придет, вырвался и снова пошел искать. Может, ее здесь уже нет? Может, и не было? Померещилось? Что-то много на его слабую голову. Найти бы теперь этого оператора — и по морде, по морде!

С чувством потери чего-то, что было с ним всегда, внутри, а теперь куда-то ушло, кем-то подло спрятано, Андрей собрался в редакцию. Хотелось домой, забиться в угол дивана, смотреть в стену, никого не видеть. Но так еще хуже. И если она померещилась и все это его выдумка, тозакутанная в тряпки блокадница, затхлый туман в красной комнате честнее, чем этот Новый год, елка, мэр в отъезжающем от школы джипе.

На порожке школы догнал директор.

— Ты куда? — делает недовольные глаза. — Пошли, пошли, у нас там все накрыто.

Андрей слабо отмахнулся:

— Мне писать про это еще нужно.

— Пошли, пошли, не прокиснет твоя писанина. Мэр-то вон, уехал по делам богоугодным, а стол стоит. Архиерей прибыл, встреча у них, — директор кивнул на торчащий из-за домов и пыхтящих морозным паром труб новенький купол. Пеструю, как праздничный леденец, церковь поставили пару лет назад на центральной площади, точно напротив Ленина у администрации. Стройку называли народной, собирали с пожертвования пенсий и насильно с бюджетников, статья, о чём стала первой запрещенной у Андрея. Он тогда пытался рассказать о старом храме за городом в брошенной деревне, где и столбов не осталось. Статью зарезали, церковь освятили и про старый храм на отшибе быстро забыли.

— Давай, давай, — тянул директор его за рукав. Андрею вдруг захотелось с размаху ударить его по лицу. Хлестко, нагло, зло. Но вместо того он поддался ему, и не сопротивлялся.— Всё в лучшем виде: икорка, коньячок открыт. Ты к армянскому как относишься?

КАБАК

— Мы лучше нашей, перцовочки медовой, — Петя глотнул из фляжки, довольно покряхтел, поправил ворот фуфайки, дыхнул паром. — Климат такой, — улыбнулся и стал опускаться лесу с мотылем.

Сидели уже часа два. Андрей поднял от сизой лунки глаза. Над озером голубело в рассвете небо. Впереди мерцал редкими огнямипепельный в зимней ночи город, где в новом дне просыпались люди. Позади уходили в сумеречную темнотунезживые своей белизной поля, они шли куда-то без конца, за горизонт, где наверное, есьтиной мир. Андрей представил, как из этого мира на берег озера выходят, блестя глазами, диковинные звери и подолгу смотрят на город и людей. Это казалось так явно, что временами он оборачивался и смотрел впустоту со страхом увидеть блеск глаз. О чем думают эти звери? — он смотрел в пустоту.

В ночь ударил мороз, и теперь рыбаки начинали подмерзать. Ковыляя от долгого сидения, Андрей добрел до Пети, взял фляжку, отпил и поёжился.

— Я ещёполчасика и пойду. Всё равно не клюет.

— Да, не очень, — Петя кивнул на пару окуньков и плотвичку на льду. — А чего так рано?

— В мэрии сегодня кавардак. Депутаты главаря выбирают.

— Это какие депутаты? — мормышка Пети дрогнула, и он стал выбирать лесу.

— Да за которых мы голосовали.

Петя достал пустой крючок. Ни рыбы, ни наживки не было.

— Ну, я не ходил.

— Я тоже. Не за кого.

— А депутаты кто у нас? Не слышал ни про кого.

— И не услышишь. На выборы по району девять процентов пришло, а порога явки всё равно нет. Так что им пофигу.

— Что пофигу?

— Всё.

— Ну и чёрт с ними, — Петя замолчал.

У них так бывало, когда говорить не о чем, скажут что-то и молчат, потом вдруг снова скажут и снова молчат.

– Эх, собрать бы котомку и –..! – выдохнул Петя.

– Это куда ты намылился? – откликнулся Андрей от своей лунки метрах в десяти. У него по-прежнему не клевало.

– Да подальше! Чтоб не видеть этого всего! По-людски что-бы. Заработать, на ноги подняться.

– А здесь?

– Безног-то не подымишься.

– Если поднимешься там... вернёшься? – Андрей сматывал удочки.

– Чё я не видел в этой дыре?

Андрей остановился.

– Мы же тут живем.

– Ну и живи. А я бы – давно срулил, – Петя отвернулся от него и уткнулся в лунку. – Голодно, холодно и бардак.

Они еще помолчали.

– А может, рванем, Андрюха?! Вдвоем веселее! Продадим, что можно. Сначала в город, подзаработаем, а потом и за бугор можно!

– Ты из страны уехать хочешь?

– Чего я тут не видел? Дураков вроде нас с тобой?

– Ты чего, Петь?.. Отсюда ж все наши... дед с бабушкой всю жизнь – вон в колхозе, отец с мамой тоже тут... Весной, вон, дедовскую дачу копать пойдём, некому ж кроме нас. На кладбище поедем.

– Какой колхоз, какая дача? – Петя смотрел на него как на ошалевшего. – Кому твои пять соток сдались? Сам же мне уши прожужжал про патриотов, которые весь город растащили! Кому тут чё надо?

– Я думал, нам и надо. У меня работа, профессия как-никак. У тебя...

– Дыра в штанах у меня! Что б ссать в кустах удобней! – кричал Петя. – И у тебя! Какая работа? Или как ты там – профессия? Ты слово-то это откуда выудил, профессионал хренов? Так

и будешь свои заметки писюкать? По ёлочкампрыгать?

– Да ну что ты! Вчера знаешь, где был? На Рельсовой, под домом целое озеро канализачки. Вонища – не продохнуть. А сверху старушка живет, блокадница. У нее в войну с голодухи умерших родителей чуть не съели, –Петя хотел его устало перебить, но Андрей не дал. – У неё дома от духаря хоть вешайся. До полвторого ночи вчера писал, потому что на ёлку заслали, а сдавать на завтра нужно. Чтобы вместе с выборами в одном номере.

– Ты о чем вообще? –крякнул Петя. – Никому это всё не нужно. Никому! Ничего! Подумай, фигня всё это.

– Да и пчёлы, если честно, тоже фигня, –Андрей смотрел на него прямо и улыбался натянуто. – Помнишь, как в том анекдоте?.. Не, не поеду Петь. Ладно бы там еще на учебу, подработать,... но как ты говоришь... –он покачал головой. – Пойду я. Пора.

– Иди, иди. Кому ты тут нужен? Рыбам что ли?

* * *

– Ну, вот и вы! Наконец-то! Заходите, заходите. Для прессы специальные места! –старожил мэрии, партиец едва не брежневских времен, депутат Добрынин растянул удивительной ширины улыбку и стал похож на спелую дыню. Тренировался что ли? Андрей зашёл в зал. Все на местах. Весёлые. Весёлые светские упыри. Или советские. По плечу похлопают, коньячку понесут.

– Ну как ваш Быков? –Андрей ответно растянул улыбку и повернулся к Добрынину.

– Готов любого на рога поднять! –невысокий и широкий, в строгом темно-синем костюме, Добрынин довольно усмехнулся своей шутке.

– Так, значит, рога вы ему все-таки наставили?

Зал наполнялся. Кроме депутатов: главы отделов, начальники от образования, медицины и службы спасения. Патологоанатома бы сюда, думал Андрей. Рядом присела Женечка с радио. Лет тридцати, местная красotka Женечка, ведущая на муниципальном радио и пресс-секретарь мэра, знала много про всех,

охотно делилась с Андреем, чутьем доверяя, что дальше него не пойдет. За хватку и остроту Андрей звал ее редкой блондинкой.

– Как тут расстановка? – шептал он Женечке, шутливо заигрывая, что считалось обязательным с ней.

– Тайны персидского двора! – хлопала она ресничками. – Думали-то все – Быков будет!

– Так кто ж ещё?

– Да бабушка надвое сказала...

Андрей вспомнил старушку-блокадницу и сразу потух.

– Говорят, новый будет. Богомолова знаешь?

– Подожди. Это который у подвала с канализацией со мной был?

– Не знаю, с кем ты по подвалам развлекался, а Богомолов – свеженький наш депутат, надежда поколения... и по совместительству четвероюродный племянник губернатора.

– Так бы сразу и сказала.

– Но это, конечно, слухи.

– Козни госдепа, – Андрей сделал беспечное лицо. – Просто местный парень, наш, простой, на благо города старается. А чего председатели сразу? Быков-то твой мужик тертый.

– А потому что, – Женечка приблизилась к нему на расстояние ладони, пахнула тонким парфюмом, вздохом раздвинула кинжальноедекольтеи томно зашептала на ухо. – Сорока на хвосте принесла, недолго мэру осталось. Не справляется папаша. Губернатор не доволен, – она накрутила золотистый локон на палец.

– Свежая, горячая, патриотичная, – Андрей изобразил похотливость.

– Наш герой! – цокнула Женечка и вскочила. В зал вошел Богомолов в модном, с отливом синевы, costume.

– А чего сейчас-то приспичило? – бросил Андрей вдогонку. Женечка обернулась, холодно и хлестко бросила:

– Из-за границы он только вернулся, с учебы, – она подбежала к депутату. – Иван Алексеевич! Куда же вы? Мы вам место

приготовили.

Вот чего ты разоделась. Андрей зацепил взглядом ее обтягивающее платье и вспомнил, как расходитя на вздохе декольте. То-то мэр грустный сидит.

Все прошло, как сказала Женечка, точно сама писала сценарий. Андрей только удивился, что за Быкова проголосовало меньше, чем числилось среди депутатского партийных соратников. Новый председатель Богомолов произнес речь. Работать во благо, нести ответственность, аплодисменты.

Про ответственность ты кстати. Как раз в одном номере с выборами выйдет заметка о блокаднице. Андрей снова заметил, как молод председатель. Может, ты завидуешь? Простая такая, житейская зависть. У соседа – корова, у тебя – коза. Связи, забугорное образование. Комплект: красивая жена (в норке), наследник щекастый подрастает, тачка, домик на озере. Чуть засветился и на взлет. Еще чуть – и мэрство. Рифмуется со зверством. И не нужно лазить по подвалам, в институт перебежками. Не нужно бодаться. Так, может, ты просто завидуешь? Может быть. Хочешь быть на его месте? Не дай бог, гори всё. Пошлость. А знаешь, приятель, в чём пошлость? В неравенстве. На нём весь ваш успех стоит. Если всё поделить на всех, никому ничего не достанется, и потому нужно забрать себе – иначе другие заберут. В этом ваша идеология, и в этом наше неравенство – мы так не думаем. И мама не думает, и Петька не думает. Потому сбегать и хочет. А ты чего хочешь? Андрей почувствовал вялость в теле, руках, ногах, телоотяжелело, ничего не хотелось, также как вчера, после встречи с блокадницей и когда не нашел в школе ту девушку. Это ж от слабости всё.

Ублюдство.

Андрей побрел в редакцию. Фонарь над крыльцом дрожал, мигая, и казалось, сейчас потухнет. Нужно кратко сообщить о голосовании. И большое фото нового избранника. Чтобы запомнили.

За столом Савельича – Варвара Ивановна:

– Валерий Савельевич на банкете по случаю выборов пред-

седателя Совета депутатов, – она никогда не смотрела в глаза и всегда говорила с ним дикторским голосом, будто выделяла его неблагонадёжность и свою преданность газете.

Конечно, как он забыл! Обязательный ритуал – укрепить родственные связи мэрии и редакции.

– Вставьте в номер заметку о выборах?

– Оставь здесь, – Варвара Ивановна чуть смягчила тон.

– В первой полосе пойдет?

– Посмотрим, – она сделала важное выражение и скосила глаз в его сторону. – Праздничные мероприятия в клубе железнодорожников, отчет по культуре, вот ваша статья о праздновании в школе...

– Прекрасно, прекрасно, – Андрея начинало мелко трясти.

– И... да, сейчас в первую полосу поставим заметку о выборах.

– Подождите, подождите, – Андрей вырвал у нее компьютерную мышь и пролистывал номер, еще не понимая, что ищет.

– А где... блокадница?

– Какая блокадница? – заморгала Варвара Ивановна поверх очков.

– Да не блокадница! – отмахнулся он и, морщась, уставился в экран. – Там история такая... порыв канализации на Рельсовой. Месяца три весь дом фекалиями дышит. Я вчера ездил и вечером Савельичу сдал текст.

– В этом номере такого нет, молодой человек, – Варвара Ивановна снова облачилась в плохую учительницу, сделала упор на «молодой человек» и отняла у него мышку. – Что Валерий Савельевич в номер поставил, то и есть, – теперь она упирала на «Валерий Савельевич».

– Быть того не может. Ошибка это, – залепетал Андрей. – Савельич точно принял статью, должен поставить. Нужно с ним связаться. Я узнаю. Не отправляйте пока в набор!

Андрей думал смутить её напором, но старая комсомолка даже бровью не повела.

– Давайте сюда вашу заметку о выборах, с хорошей фото-

графией нового председателя. А по поводу вашей... канализации, – она брезгливо дернула губами. – Я спрошу у Валерия Савельевича, и мы всё решим, – теперь она делала упор на «мы».

– Нет, нет! Я сам узнаю! – Андрей побежал к себе. Как же, спросишь ты. Потом уже бросишь невзначай: «Принято решение с этим подождать». Или хуже – «Вы знаете, столько дел...».

Передушил бы как котят.

Посреди редакции затрещал телефон.

Не поставил, упырь. Конечно, ёлки, выборы, ленточки. Какие тут блокадницы? Надо выяснить, все-таки. Раз смолчу и – всё, крышка. Так было всегда – ослабишь хватку, и земля под ногами становится болотом, всасывает тебя. Всегда в напряжении, всегда с гудящей головой. Они забывчиво молчат, отводят глаза, а чаще сами нападают. Прирученные. Выкованные.

Телефон прозвенел снова. Как не хочется подходить. Еще Савельича нужно где-то откапывать. Хоть и номер свёрстан, всё впустую.

Телефон подзывал к себе. С жалобами вряд ли – неделя до праздников, у народа на умешампанское, мясо и мандарины, только ты, скоморох непуганый, нудишь всё.

Он подошёл. Трубка молчала, словно там уже решили, не ответят, и теперь забыли что сказать.

– Это газета?

– Почти.

– Мне сказали, можно обратиться с проблемой.... Ну, с просьбой... осветить... ситуацию. Я правильно попала? – взрослый женский голос сбивался, как у людей, которые в редакцию раньше не звонили.

– Да.–Точнёхонько, попала ты, так попала. Чтоб у вас там еще свет вырубил. Способность быть жестоким его новая характеристика. Надоели жаловаться. Бухают и плачутся. Плохо тебе сейчас будет.

– У нас такая проблема... жилищная.

А какая?! У нас тут другие есть? В театре обнаженка на сцене? В кино кровь по экрану? Рад помочь, только в кино

у нас левые диски крутят, а в театре мэрия давно кабак устроила — идти близко и места много.

— Вы могли бы как-то... написать о наших... плохих жилищных условиях, — лет под сорок, может, больше. Голос крепчает, говорит четко. Учительница что ли?

— Конечно, могли бы. Плохие жилищные условия у нас редкость исключительная... — хамство, конечно. И ты хочешь этого хамства. Хочешь издеваться над ней и над собой. Интересно, сколько она вытерпит? — И с какой же Луны к вам свалились эти жилищные неприятности? Где это невидаль такая приключилась?

— Мы из поселка Каменщиков. Дом послевоенный, с деревянными перекрытиями... — ого, держится! Андрей услышал, как издевку узнали и проглотили. Наверное, припекло. Есть тут поселочек такой, километров пятнадцать от города. Перед войной туда с окружных деревень крестьян сгоняли камень добывать, а послепоселок оброс угольными шахтами. — Мы двадцать лет в аварийном фонде, а расселять некуда. Дом сыпется весь. Потолок боимся обвалится, пол сгнил, к стенам обои не клеятся. Холод, на обогревателях сидим. Вода только холодная и по часам.

— Значит, свет есть, если обогреватели? А вы говорите — проблемы! — Ладно, надо заканчивать. А то правда обидится. — А чего с водой? У вас же водовод меняли...

— Так его до поселка довели и все... во дворах зимой лужи — течет всё, — он ждал услышать в ее голосе жалобу. Но тон спокойный, едва не деловой.

— А ремонт? У вас должен быть капитальный. Я был на отчете главы, деньги заложены.

— Ремонт?.. Вы что там?.. — голос вдруг сорвался не в жалость, а в сердитость. — С вашим ремонтом у нас весной с потолка знаете, как польет? Тут ремонтом не поможешь, всё само скоро рухнет.

— Так и рухнет! — Андрей еще кипел. Сейчас я тебя в колею поставлю. — У вас одних что ли течет? Тут у всех скоро потечет, изо всех дыр! Вчера я на Рельсовуюездил, там канализация так

шарашит, в квартирах дышать нечем!

– Канализация у них протекает? – женщина вдруг стихла. Андрей почуял недоброе и стало не по себе слушать этот голос в котором ни жалобы, ни жалости ни к кому.– А у нас не протекает. И никогда не протекала. Знаете, каково в сортире, когда темнота и мороз двадцать градусов? Я двадцать лет в школе. Зарплата– на одежду и на еду. И то... –голос снова оборвался, будто в нем кончился воздух. – Знаете, не нужно ничего писать. Извините, до свидания.

– Пойдите! – чуть не закричал Андрей, но понял, что сказал тихо. – Как не нужно? Подождите! Меня Андрей зовут, я журналист.

– Ничего, Андрей. Ничего не нужно, –голос сталточно мягким и родным.

– Да подождите вы! –требовал он. –Как не нужно писать? Газета для того и нужна – писать о том, что происходит. Я завтра к вам приеду. Как вас зовут?

– Ольга.

– А фамилия? И адрес ваш нужен, –он еле дотянулся до блокнота, схватил карандаш.

– Подождите Андрей, –он услышал, как на той стороне глухо переговариваются. Вдавил трубку в ухо. Казалось, там о чем-то спорили.

– Нет, Андрей. Приезжать не нужно. Извините, что отняли время.

– Да что ж такое! Вы так и хотите жить в этом дальше? А если будет статья, мы еще посмотрим. Это же свидетельства, скандал...

– А вы думаете, они после статьи – что? – с той стороны снова говорили спокойно и размеренно. – Построят нам новые дома? – Дело проиграно. Конечно, ничего не построят. А сказать: «Да, построят» –быть с ними заодно, льстить и врать. Устроят Савельичу скандал. Ну, поговорят в городе пару дней. А там праздники. Нет, ты просто хочешь эту статью. Ты хочешь их умыть. Ты хочешь, чтобы эти суки знали, пока они в ресторанах выборы отмечают... Хотя они и без тебя, дурака, знают. Лучше

тебя про всё знают. Нет, просто ты должен сделать статью о том, что есть. Просто это твоя работа.

— Ольга, подождите. А вам-то что терять? Попытка — не пытка.

— Вам же потребуются наши имена и адрес?

— Конечно. Но имена можно и вымышленные.

— И фотографии делать будете?

— Лучше один раз увидеть, чем пять раз прочитать.

В трубке затихло, снова обдумывали или обсуждали.

— Не получится. Извините.

— Да почему? Я просто приеду, поговорим...

— Вы не поймете.

Во как. Что-то свеженькое.

— Не пойму?

— Поверьте. И не нужно приезжать. И писать не нужно.

— Хорошо. Пусть я не пойму. Но давайте сделаем статью.

— Ну, зачем вы просите? Не давите, не нужно этого, — и в голосе что-то новое. Жалость что ли?

Нужно сдаваться. Женщинам нужно сдаваться, когда за ними правда.

— Бог с вами. Я не приеду. И статьи не будет. И я точно не пойму. Такой вот я, туповатый. Но вы просто можете мне сейчас сказать, почему вы не хотите статьи?

Она чуть помолчала.

— Но ведь тогда люди узнают, как мы живем.

— И что?

— У меня дочь в десятом классе, — она решительно выдохнула, быстро заговорила. — Она даже не может завести друзей. Боится, они узнают, как мы живем. Понимаете? Она боится заводить друзей. У нас во дворах джипы везде стоят, а дома — руины. А она что, скажет, у нас, вот туалет на улице?

Андрей чувствовал, как неподвижными становятся пальцы, руки, застывают ноги. Ему не приходилось сидеть в морозы по сортирам. С детства вокруг он видел много барачков, утопающих окошками в картофельных и огуречных плетнях, каждый

раз с гадливостью смотрел на грубо сколоченные дощатые халупы, и старался не представлять, как это нужно делать. Теперь перед ним эта девушка из десятого класса, наверное, такая же красивая, как та, на катке, или курносая русская дурнушка, уже выпивающая в гогочущих прокуренных подъездах, сжавшись от ветра, выходит из дома, скрипит искрящимся снегом, подходит к сортиру, грохает дверь и думает, что в мороз вонь меньше, а вот летом, в жару...

— Я могу не писать имена. Но адрес нужен.

— Не нужно. Все равно всё узнают, а сделать ничего не сделают. Извините.

Трубка загудела.

Андрей вернулся к своему столу, постоял, молча посмотрел в окно. Набрал Савельича. Вызов шел, но без ответа. Оставалась еще блокадница и ее, закутанную в тряпки, на диване, он видел также четко, как девушку из поселка каменщиков, сжавшуюся на морозе.

На входе в ревущий музыкой ресторан кто-то потрепал его по плечу, улыбалась закрашенная, так что лица не узнать администратор, гардеробщица брякнула номерком о стойку.

В зале за круглыми, плотно заставленными блюдами, салатами и мясом столами, гости. Пахнет жареной жирной едой. Жарко и душно. У сцены, с рюмкой и блестящим лицом председатель Богомолов слушает с улыбкой тост. После все зашумели, зазвенели бокалами, стали выпивать.

За крайним от выхода столом Андрей увидел Савельича. Тот сидел со своим заместителем, Павлом Петровичем, маленьким, пухлым и лысоватым человеком с хитринкой в лице исшироким, душистым, вечноцветущим депутатом Добыниным. Савельич лениво ковырял вилкой в тарелке. Сияя, точно нашел кошелек, Добрынин воскликнул, махнул Андрею рукой и незаметно толкнул локтем Савельича.

— Андрюша, дорогой! Где вы ходите?! — Добрынин говорил так, будто только Андрея здесь и ждали. Сколько такого Андрей насмотрелся, а все равно растерялся.

– Я к Валерию Савельичу, на минуточку.

Савельич посмотрел на него, схмурился. Он молчал, смотрел из под бровей пьяно и грустно на Андрея, двигал челюстью, будто бы что жевал.

Добрынин тащил Андрея за рукав к столу.

– Садитесь, садитесь! Какая еще работа? Такой трудный, важный для нас всех день! Можно сказать, новая страница открылась в истории города! А, Валерий Савельевич?!

– Мне бы вас на пару минут, – Андрей был упрям и зол, за стол не садился.

На улице Савельич с удовольствием, сильно закурил. Они скрипели морозным снегом по тротуару.

– Валерий Савельевич, в верстке на завтра заметки по Рельсовой нет. Варвара Ивановна показала, когда заметку о выборах ставила. Вы мне сказали, всё хорошо, думал, будет...

– Все в порядке, Андрей. Всё хорошо. Они же обещали – починят твою Рельсовую. Сам Богомолов, – он лениво кивнул на ресторан, – туда ездил.

– А как статья?

– Выйдет, конечно. Куда денется... в номер не поместилась. Выйдет в следующем.

– Следующий – уже суббота. Почти праздники. Кому там что нужно будет?

– Ничего, ничего, – улыбнулся отчески Савельич. Андрей удивился себе – зачем он тут ходит, глупости выспрашивает. Стыдно как-то. Непрофессионально. – Я же принял статью, – продолжал он. – Ты всё правильно написал, визуально ощутимо, нерв есть. Статья выйдет в другом номере. Чего нам свадьбу с похоронами мешать?

Андрей покривился на него:

– В церкви, вон, и венчают и отпевают в одном зале, одни и те же священники.

– Но нет одновременно же, – усмехнулся Савельич и остановился, давая понять, что ему пора к гостям.

– Понятно, – бросил Андрей, отвернулся и, кажется впервые

не попрощавшись с редактором, пошел от него.

Савельич ничего не сказал в спину. Всё сам знает. И про Рельсовую знает, и про посёлок каменщиков, и про нового председателя.

На город спустилась темень. Стояли самые долгие ночи в году. Ветра не было и не было снега. А как хотелось сильной и страшной вьюги! Чтобы кружила по городу, заматая беды и страхи!

Только Андрей поглядел наверх, посыпались частые фигурные снежинки. Город, похорошевший в огнях и новом снеге, раздражал и вытаскивал наружу злобу, скопленную за дни, и Андрей не видел ничего хорошего и доброго, лишь злые и несчастные люди, и был он, и не знал, что делать, когда так всё, и куда идти. Нужно было идти в квартиру, пустую и холодную, нужно купить какой-то еды, чтобы питать тело.

На порошках квадратного магазина стоял старик-забулдыга Егорыч с пивом в руке. «А, приперлась шпана газетная!» – бодро приветствовал он Андрея. Старик не спускал никому, кроме детей, особенно доставалось старухам. Дети же сами гоняли старика, закидывали снежками и дразнили. Андрей ничего не ответил ему, а когда вышел из магазина с набитым пакетом, тот стоял на прежнем месте. «Жрать пошел?» – усмехнулся старик, прищурился как-то не по-человечески и отхлебнул из банки. Андрей сверкнул глазами, стерпел.

Он пошел к дому. Старик вдруг двинулся за ним. «Сволочи. Дармоеды. Что с людьми творите? – сзади хрустел снегом и пыхтел старик. – Какого дьявола вам нужно? Душу продали и беситесь!» Андрей завернул за магазин и пошел вдоль гаражей. Освещения нет совсем. С трудом можно разглядеть дорогу. Сзади хрипло донеслось: «Снова жрать пошел! Чё морду воротишь?»

Андрей бросил пакет, развернулся на старика и ударил в лицо. Тот покачнулся, захрипел что-то, но устоял. Тогда Андрей ударил снова. Старик, хрипя и мыча от боли, свалился. Андрей упал за ним на колени, и бил снова, неудержимо, выпуская злость и гнев в старика. Остановился, когда старик замолчал

и перестал шевелиться. Посмотрел на измазанное багровым лицо, темные пятна на снегу. Андрей почувствовал, как натягивается кожа у него на черепе, и как серым и тяжелым наливаются глаза.

— Старик, старик! — прошептал, схватил его ослабшими руками, пытался сжать воротник ватными пальцами.—Ты чего? Слышишь? Эй, слышишь? Ты во всем прав, алкаш старый! — Андрей пытался пошевелить тяжелого старика, но тот мешком висел у него на руках. Вдруг старик приподнял голову и скривил губы в крови:

— Что же вы творите?

Андрей вскочил, как испуганный заяц, подхватил пакет с едой и бросился к горевшим впереди окнам. Сзади из темноты захохотал старик:

— Стой! Во скачет! Куда понесся-то!

Барак

— Ну и занесло нас! У черта на рогах будто прыгаем! — водитель в кожанке на искусственном меху и кепке со всех сил крутил колесо руля, уворачиваясь от ям. — Ну и дорожка! Сюда вообще ездят? А вроде в двух шагах от города. В центре летом хоть асфальт положили...

Водитель продолжал молотить неуловимое. Такси, на которое расщедрился Савельич в честь Нового года, мотало по сторонам. Впереди вырастал горообразный террикон старой шахты. После утреннего совещания напомнил Андрей про странный сигнал из поселения при той самой Говорливой шахте на давешней планерке, странный настолько, что и Андрей доверял со скрипом. Савельич, уже начав отмечать праздники, развязано махнул рукой:

— Езжай, погляди, — и выдал на такси.

Водитель, правда, в честь наступающего заломил вдвое против обычного.

— А чего тебе на Говорливой понадобилось-то, гражданин журналист? — дружелюбно усмехнулся он, кося морщинисто. — Аль брошенной шахты не видел? Так их тут... экскурсии водить пора!

– Говорят, при шахте живутеще. Посмотреть бы.

– Здесь?! Да ты что? Брешут. Все уж съехали давно. Кто ж тут сидеть будет? Торгашисвалку на шахте устроили, это знаю, оно ж дешевле, чем на полигон возить. Пацаны по весне дачи здесь палят, это да. А что б жил кто...

– Но бараки-то стоят?

– Да есть пара. Вон, кажется.

Слева, через густые голые кусты посадки затемнели два продолговатых пятна. Заезда в посадку не было, остановились напротив.

– Подождите, – Андрей вышел.

– Сколько ждать-то земляк?

Вот скряга чертяжная.

Между двух громадных тополей – пробитая в сугробах тропак бараку. Андрей прошел густую посадку. В среднем отсеке барака из трубы струится дымок. Сзади заскрипел снегом водитель.

– А ты говоришь брехня, – Андрей зачарованно смотрел на кривой барак, утопанный двор, банки на колах.

Четыре или пять землистыедеревянные секциибудто срослись. Согнувшиеся к земле окошки, волнами заваленная снегом крыша. Окна, кроме двух посреди, заколочены. «Кто-то идет», – услышал Андрей шаги внутри. Ободранная дверь заскрипела, вышла молодая женщина одного с ним возраста в дряблой куртке и валенках, с ведром в руке. Глянула смело на Андрея. Пряча за собой ведро, отошла подальше, вылила под куст.

– Сколько ждать-то? – не отставал водитель, переминаясь от холода.

– Да езжай! – Андрей отмахнулся от него купюрой. – Чек дай.

Скоро женщина вернулась.

– Здравствуйте, – Андрей вдруг подумал, что не знает, как лучше сказать, зачем приехал, хотя делал это сотни раз.

– Здравствуйте, – тихо ответив, она не остановилась и прошла к дому.

Он пошел за ней.

– Вы здесь живете?

Она обернулась у порога, точно защищала собой вход.

– Живем.

– Меня Андрейзовут, – спохватился он. – Я корреспондент местной газеты. Наша, городская газета, – протянул удостоверение.

Широкая в плечах, с крупными чертами уставшего лица и сильными руками; не привлекательная, но с ощущением добра, тепла чего-то родного, она не отталкивала, а наоборот, хотелось ближе разглядеть ее и узнать.

Она поправила волнистые, русые волосы до плеч, мельком, для приличия, глянула в документ, и глубоко посмотрела на Андрея. Красивая, вдруг подумал он смутился сам перед собой. И глаза одинокие.

– Нам сказали, здесь на шахте живет еще кто-то...

Женщина крепким и быстрым движением, как делала всё, открыла дверь и вошла в дом:

– Заходите. Что ж на морозе-то. Это мама, наверное, звонила. А мне, – она неожиданно улыбнулась, – и не сказала.

Прошли темный холодный коридор, вошли в квадратную, хорошо натопленную комнату. Внутри опрятно и чисто, зеленые, грубокрашенные стены, коричневый пол толстых досок, в углу шумит печка. Бойкая и какая-то плотная старушка на высоком коротком столике упругими движениями мастерил что-то съестное к обеду, на электроплитке бурлит картошка, у окна, на ладном обеденном столе мальчик лет семи пишет в тетради, листает учебник, на стуле рядом огромный черный кот.

Андрей громко поздоровался.

– Здоровы будьте, – старушка отложила готовку и поднялась, с выражением вопроса, навстречу.

Он представился, рассказал, зачем приехал.

– Мам, ты звонила? – женщина смотрела на старушку без упрёка, с интересом.

– А шош нам тут сидеть? – старушка подобрела и повер-

нулась к Андрею. — Говорила ей всё, говорила — пора в газету малявать. А она всё — зачем, да зачем? Во! До Нового года дотянули, прости господи! — она перекрестилась на Красный угол.

Там в тени висели три иконы. Женщина подошла к мальчику. Кот запрыгнул со стула на подоконник.

— Ну что тут? — она склонилась к тетради.

Мальчик испуганно смотрел на Андрея. Когда подошла мама, увидел, что опасности нет:

— Как вот это решается?

— Ну, смотри, — женщина как-то особенно посмотрела на Андрея, как когда хотят что-то сказать, и вернулась к мальчику. — Помнишь, сколько семью восемь?

— Эта... пятьдесят шесть?

— Шесть пишем, пять в остатке.

— Так и бытуем, — бойкая старушка вернулась к зелени. — Ты, милый, спрашивай шо надоть. Да садись, в ногах-то правды нет, — махнула на крепко сбитый высокий табурет. — Опосля обедать сядем.

Андрей зачарованно оглядывался.

— У вас одна комната?

— Хе! — крикнула старушка. — Да у нас тута хоромы! Усе ж разъехались. Только вот потолок можить грохнуться. Мы-то здесь хоть топим! Дров, правдоть, не напасешься. Зима! По три раза на день топим. Да и нишо бы, угля только мало. Слыхал, милок, сколькоть машина стоить? Вот енту комнату и держим, деревяшек-то при бывшей-то нашей шахте еще многоть. Здесья все... да, не в обиде. Да ты не стой, шо уставился, в ногах правды нет, — она достала из-за занавески крепкий струганный табурет и поставила рядом. — Вот тама, — она показала на другую занавеску, — Катерина с внуком. Здесья, — она кивнула на топчан у печки, — я кости грею.

— А свет-то у вас есть, — Андрей кивнул на электроплитку.

— Есть, слава богу. Электрификация к нам докатилася. Так шо почи коммунизм... — старушка ткнула вилкой в кипящую картошку. — Рано ыщо.

Андрей подумал, что он в деревне. В простой русской деревне, с домовым за печкой и котом с зелеными глазами, с душистыми блинами и пирогами с повидлом, с маленькими окошками, в которые морозной ночью сливовым глазом заглядывает олень с ветвистыми рогами. «Зачем они меня вызвали?» – спросил он себя и испугался вопроса.

– Как же вы здесь еще остались? Почему не переехали? – он смотрел то на старушку у плиты, то на женщину с мальчиком.

– Куды ж нам деваться, милый? – старушка бойко накрывала к обеду, говорила бордо и охотно. – С шахты хто к родне съехал, Перцовы и Кутеповы, соседи-то наши, сымають, всё ждуть, когда им заенту развалюху жильє дадут. У Абрамовых, вона, два мужика на заработках, в два лета квартиру справили. Колька, сосед тож, сымаєт. Он женвалид, даыщо участник, ему можноть.

– А вы снимать не пробовали?

– Господь с тобой! С чего ш нам? – заулыбалась старушка весело, словно рассказывала удивительную историю. – У меня ш пенсия – крохи, у Катеринына фабрике с перебоями. На обед, дана штаны! Да внучку – пряник!

Андрей обернулся к мальчику. Катерина отвернулась к морозному окну.

– А как же он в школу ходит?

– Чудной ты! Так и ходит – ножками! – старушка добро усмехнулась.

– Пешком? Тут же до города километра три... и до школы еще...

– В том и пятрушка, милой. Шоб я тебя требовать стала? То я с ним хóдила. Хóдила и нишо, привычно. А в зиму ноги совсем плохие стали. Тута в тепле еще бегаю, а как на морозе долго, так болять. Как светало рано, он ходил, ничего. А теперя, по темени? Пойдеть он, я за ним маленько потопаю, пока силы – то есть, опосля стану и смотрю – идет али как?

– Ну что ты совсем уже! – возмутилась Катерина, не поворачиваясь.

– Я большой уже, бабушка! Я сам могу! – мальчик схватил

огромного кота, подбежал и плюхнул его старушке на колени.

– Да шош ты... брысь! – она скинула кота и засмеялась вместе с мальчиком. Катерина повернулась, смеясь, увидела, что Андрей смотрит на нее и внимательно, вкусно заулыбалась.

– Как тута дальше на учебу хóдить? – старушка вытерла руки о фартук.– За него и думаю. Шатаются тута всякие. И барак наш уж разбиратььстали.

– Как разбиратьь? – Андрей решил, что неверно расслышал.

– Да так воть. Сидишь вечером, а с того края – стучать. То доски с пола тащуть, то рамы дергают. А в том году бомжи завелись. Днем-то на помойке в городе, а ночевать к нам повадились. Как холодать стало, костры палить удумали. Сидим, фантазируем, сами сгорять али нас сожгут? Ну, ентих-то мы с Катериной разогнали, – усмехнулась старушка.

– Как разогнали? – Андрей обалдело представил, как эти женщины с колами в руках разгоняют стаю здоровых и лохматых.

– Да так воть, пошли... и тока пыль столбом! –прихлопнула старушка ладонью об стол и подмигнула мальчику.

– Мам, ладно, не пугай людей, –отозвалась Катерина. Разделавшись с котом, мальчик уселся маме на колени и рисовал.

– Да я и не боюсь, –усмехнулся Андрей на нее.

– Енти теперь хуже, –вздыхнула старушка. – Приходять из города, а то и на машинах. Стучать и стучать. Стучать и стучать. Перед Новым годом стихли маленько, а так... страх!

«Нет, –проговорил про себя Андрей, –никакая это не добрая русская деревня. Это проклятая шахта и люди в ней».

– Вотьбудуть разбиратьь-то барак и до нас доберутся, –приказнула старушка. – Катя, подложи-ка в печурку и накрывать будимь.

Катерина открыла дверцу печи, мальчик отодвинул занавеску, за которой обнаружилась аккуратная поленица. Раздельными стопками лежал хворост, поленья и старые доски. Мальчик подносил Катерине дрова, она разгребала железным прутом угли и подкладывала.

Андрей решил, что пора уходить.

– А фамилия ваша?

– Бибиковы мы. А Катерина – Епифанова, по мужу.

Андрей хотел спросить про мужа, но подумал, что это глупо. И так ясно. Мальчик прикатил к поленнице небольшой пенек. Катерина достала откуда-то топор. Мальчик подавал ей из поленницы крупные дрова, она крепкими, короткими ударами рубила их складывала у печи. Андрей схватился было помочь, но снова подумал, что глупо и лишне.

Старушка глянула на них, улыбнулась. Андрей сидел на табурете и неотрывно смотрел на мальчика и Катерину. В них он видел смелую силу, какую отвык встречать. В кричащих бабках с Рельсовой, соседках блокадницы, выпирало недовольство и гневность, в словах женщины с поселка Каменщиков слышалась глубокая справедливая обида. Андрей им сочувствовал, хотел помочь и тем с большим интересом наблюдал работу Катерины и мальчика, в которых не замечалось и следа гнева или обиды, и которые сами по себе как-то удивительно жили здесь, и тем страшнее это было.

Когда закончили, мальчик задернул занавеску с дровами, Катерина сунула в угол топор и повернулась с задорной и смущенной улыбкой.

Он стал прощаться:

– Спасибо вам.

– Ты аль собрался куда? – старушка наливала воду в чайник.

– Спасибо вам. Пойду я. Материал есть. Статья, правда, выйдет после праздников.

– Ну, постой, постой, ретивый! Отобедай с нами, не обидь хозяйв. Куда ж голодной пойдешь!

– Да нет, ну что вы, – остаться, значит объедать этих людей, и это казалось преступным.

– Поешь, посиди с нами чуток! Да иди себе с миром.

Андрей растерялся.

– Мы накроем в пять минут, – Катерина ловко собирала

к столу. — А ты, пыжик, — она глянула на малыша одним глазом, не отрываясь от дела, — покажи гостюрисунки.

Мальчик смело подошел, схватил Андрея за палец и потянул.
— Я покажу тебе.

Мальчик отодвинул занавеску, и они оказались в закутке, где на двух кроваткахжил он с мамой. На детском столике вразброс лежали тетради, учебники и ворох цветных карандашных рисунков. Мальчик по одному брал раскрашенные листы и подавал Андрею. Это были простые несуразные детские рисунки. На одном рисунке два человека стояли рядом в широкой синей полосе посреди белого листа.

— Это что за полоса? — Андрей показал пальцем.

— Это река.

На другом — город, площадь среди домов. На площади человек, а вокруг люди.

— Что они делают? — нахмурился Андрей, вспоминая, будто где-то это видел.

— Слушают.

— А что он им говорит?

— Не знаю, — мальчик отвечал легко, без мысли, один за другим подавал ему рисунки. Почти на всех — люди. На последнем несколько человек поднимались по склону горы, а впереди их человек волочет по земле что-то длинное.

— Что он несет? — не мог разглядеть Андрей.

— Тяжелое, — мальчик выбежал в комнату, откуда их звали к столу.

Потом они сидели за пышным от тарелок, кастрюль и банок с соленьями столом, который отодвинули от окна, чтобы все поместились, и со вкусом ели душистую парящую картошку, хрустели огурцом, лоснящимся окорочком. После пили чадающий запахом трав чай без сахара, как велела старушка — для сбережениявкуса, с пышными ватрушками, присыпанные маком и корицей. Андрей смешил женщинслухами со всего города и страшными историями. В ответ старушка неугомонно болтала о рассказах баб на базаре, о том, что показывают в новостях — телевизор

есть, но работают только две главные программы. Катерина говорила редко, спрашивала его про газету. Андрею приятно было простыми словами объяснять ей профессию. Мальчик смотрел на всех большими веселыми глазами, иногда без повода смеялся, как смеются от всеобщей радости, и скармливал огромному черному коту, словно из сказки, поджаристую куриную шкуру.

Из-за террикона вышло и заглянуло в заиндевевшее окно редкое зимнее солнце. В комнате повеселело. Андрей заметил, как ему удивительно хорошо и приятно здесь с этими людьми, тепло и удобно, как не было давно. Он радовался, что можно вот так просто сидеть, смотреть на них и отпустить из головы тяжесть напряжения всех мыслей.

Чай затягивался. Старушка рассказывала, как вышла по любви за чубастого парня из соседнего колхоза, как сбежали в город, дабы кроме «палок» иметь немного за душой настоящих денег, как на шахту попали — он в забой, она — в фельдшеры. Дали место в бараке, дочь родили... через десять лет кончился уголь в их разрезе. Перевели в город, на завод, да жилья нового не дали. Обещали все от завода построить, а когда завод развалился... Андрей слушал старушку с приятным чувством и тоской; смотрел на мальчика, думал о его рисунках; переглядывался с Катериной, и так тянуло примоститься в теплом углу у печки, поспеть часок-другой.

А нужноподниматься, полтора километра идти до большой дороги и на морозе ждать автобус.

— Ты же в город за продуктамивродисобиралася? — старушка глянула на Катерину, когда Андрей стал прощаться. — Езжай пока светло. И гостя нашего проводишь.

Через посадку шли знакомой тропой. Слева, в половину горизонта растянулся черным треугольником террикон, свидетель лет, когда на шахте кипела работа, как отправляли на станцию вагоны. Сколько здесь жило людей? Десятки, сотни? Съезжались, работали. Тяжело жили шахтеры. Счастливы ли? И может, не зря бродят слухи о голосах из шахты. Он представил, как в холодных черных забоях, частью затопленных, мечется эхо

криков заваленной бригады по вырубленным их руками коридорам; и никак не успокоится.

Дорогучистили редко, на отвалах Андрей подавал Катерине руку. Рослая и крепкая, она сжималась, как птица от испуга, и молчала. Он говорил, что завтра, а может еще и вечером напишет статью. И хотя выйдет после праздников, писать сейчас нужно, по свежему следу. Вы одни такие остались. Остальные поселки при шахтах расселены и закрыты. Я тут сколько кручусь, и то о вас не догадывался. Это ж скандал такой! Большой скандал? — трепетноглянула она. Всем им не поздоровится! — Андрей немного злорадствовал. Мэру, конечно, на орехи. Но, говорят, его и так скоро уберут. И остальным перепадет. Депутатам — что молчали. Всем этим молодчикам с высокими знакомствами. Я и в губернаторскую газету напишу. Оттуда будут местных клевать, чтоб самим прикрыться. Андрей вспомнил нового председателя Богомолова и было приятно вообразить, как томубудет плохо от скандала. Элита, об стол ее. Разве это элита? Это накипь. Такое шило даже Савельич в мешке не утаит. Всем им будет. А вас, понятно, переселят, как смогут. Не знаю, хмыкнула она и склонила голову. Мама сколько ходила? Метраж у нас по норме, говорят. А на очереди мы две тысячи триста какие-то... да нет, ну что ты! — засомневался он и сказал себе, что назвал Катерину на «ты». Должны переселить, никуда не денутся. Безо всяких очередей. Ты думаешь, мы нужны кому сильно? — Она вскинула на него глаза из-под шапки, и он испугался ее взгляда. Лет пять назад приезжали какие-то из администрации. А потом еще электрики как-то раз — свет чинить. И ты вот теперь.

На остановке пусто. Ветер гонит через дорогу молочную поземку. Озябнув, они забились под железную крышу. Стало тихо и темно. А ты где живешь? — Стояли рядом, едва не касаясь куртками. Тут, недалеко от центра, в однушке холостякую. Квартира от бабушки досталась. — Один совсем? Он почуял, как она смотрит на него с лаской, и не ответил. А меня Витька бросил, еще когда с животом ходила. — Усмехнулась она. Он подумал, какая она добрая и что с ней хорошо. Как она близко, совсем, совсем рядом.

Она и никого больше. И ты после не вышла ни за кого? – Он трудно выговаривал слова. Кому я тут нужна, в бараке, с ребенком? – У нее в голосе оборвалось что-то, и она двинулась к нему. А ты хороший, хороший такой и сильный. – Шептала она. И ты, ты, толи думал, толи говорил он. Хороший, настоящий. Он чуть склонился к ней, она ткнулась в его губы, распахнула куртку. Он почувствовал ее жар, ее дух, как она близко. Она привлекла его к себе, поцеловала мягко, долго. Он запустил руку ей под свитер.

Рядом закричал двигатель, затрещала коробка передач. Они отпрянули.

В квадратном автобусе гудели бабки, ныла в динамике певица. Андрей прошел к окну. Катерина села рядом. Автобус заскрежетал и тронулся. Внутри мёрзло, сильно трясет на ухабах. Мимо дрожали за стеклом белые поля и серые полосы посадок. Редко петлял утренний след зайца или лисицы.

Что теперь? Андрей глядел в окно и боялся повернуться к Катерине. Как оставить ее? И нельзя же не оставить. Что же нужно делать, чтобы не обидеть? Взять телефон, дать свой? Назначить встречу? Она хорошая, честная. Но это же не то, всё не то. Это же от слабости, от жалости. К ней, к себе. Она была так близко, он совсем один, совсемодин. Вспомни это страшное одиночество, каждый вечер, пустая комната, нет голоса души рядом, движения тела, нет красоты. Теперь Катерина сидит рядом и он не чувствует ничего. И думает только, как так сделать, чтобы не обидеть.

Въехали в город. Замелькали дома, люди, заборы. Загудели машины, далеко где-то крик. Андрей дернул головой, собираясь что-то сказать.

– Слушай, ты ничего не должен... – Катерина взяла его ладонь. Он промолчал, подумал, что теперь точно должен, обязан... повернулся к окну и увидел ту девушку.

Это она, нельзя спутать. Он узнал через промерзшее стекло пушистую шапку, короткое пальто, мелькнуло румяное лицо. Она шла по тротуару навстречу автобусу.

– Извини, – Андрей выскочил в проход и бросился к водите-

лю.–Остановите, остановите тут! Мне нужно!

– Да обожди ты, куда прешь! – водитель в телогрейке и ушанке обернулся, засмеявшись, сверкнул золотым зубом, точно клыком. – Вон остановка уже.

– Да мне здесь нужно!

– Ну, резкий какой! Пройдешь пять шагов, не помрешь.

Андрей едва не схватил его за руку, чтобы остановить автобус. Вспомнил о Катерине, обернулся. Она смотрела на него испуганными глазами. Закряхтев суставами, автобус тряхнул пассажиров и остановился.

– Подожди, я сейчас! –Андрей бросил водителю банкноту, выскочил и побежал назад.

Дом, киоск, светофор, машины гудят на него, кто-то дал по тормозам, два мужика на разноцветных санках тащат ржавую стиральную машину, горит иллюминация, снежинки в окне магазина, шантрапа с пивом у ларька. Здесь где-то, здесь. Он плохо помнил точное место. Где-то же здесь. Он сверлил глазами вокруг и не видел ее. Бросился обратно к светофору, посмотрел за угол. Какие-то люди, девушки, но ее нет. Может, в магазине? Забежал. У прилавка старушка запихивает в пакет буханку хлеба. Рванулся обратно. Пробежал вперед шагов пятьдесят. Нету. Да что ж это! Переводя дыхание, он обернулся к остановке. Вдали, высовываясь из-за машин, растворялся квадратный автобус.

* * *

– Навели мы с тобой шороху! – развязано улыбаясь, встретил в редакции Савельич. Он сиял хорошим настроением.

– Что такое? – хмуро скинул пальто Андрей.

– Утром делегация из мэрии, вся честная компания, –Савельич показал на стол. Там стоял только распечатанный кофейный сервис. – Выпили, закусили, выборы обсудили. Говорят, и правда, мэра снимут.

– А вместо?

– Потом узнаешь, –Савельич сделал лицо осведомителя. – Ну, я им вдогонку – мы как раз скандальчик затеваем ко Дню печати. И про шахту твою рассказал. Как там дела, кстати?

– Всем бы головы поснимать.

– Всё точно, значит. Как им рассказал, зашептались чего-то, звонить куда-то стали. Друг наш дорогой, Добрынин, совсем огорчился – что ж вы, говорит, творите, косолапые? За это же депутаты в первую очередь получают. После мэра, конечно. Я ему – дачто ты? Первый раз что ли? А он меня к окошку отвел и за лацкан – ты, старый пентюх, не понимаешь, какой момент сейчас? Нашел хлопунца. Хорошо, в общем, посидели. Когда писать думаешь? – мастито кивнул Савельич.

– Начну сегодня, пока не остыло. Там проверять все нужно – с очередями на жилье выяснять. Есть мнение, про них просто забыли.

В редакции шумно: Женя с Настей крепили снежинки к окнам (она вышла с больничного их поздравить), Савельич ваял иллюминацию, негромко играла музыка. Повеселевшая Варвара Ивановна вернулась с пакетами из магазина и резала салат. Андрей смотрел на них, как через стекло, с улицы. Кто-то предложил открыть шампанское. Андрей пробовал сесть за статью, пытаюсь успокоить голову после случая на остановке. Девушка из окна автобуса. Не привиделось ли ему? Нет же, он точно узнал. Близкое дыхание Катерины, заметенная остановка, мальчик с рисунком в руках смотрел на него и молчал, старик на темном снегу кричал и махал рукой, старушка, закутанная в покрывала, сжавшись, сидела на кровати и смотрела в стену.

– Андрей, тебя! – Настя стояла у телефона с трубкой в руках. Чуть запнувшись, она добавила. – Павел Петрович.

– Кто-кто? – подошел Андрей, глядя на Савельича. Заместитель редактора за четыре года работы в газете не звонил ему ни разу.

ВЬЮГА

– Тебя спрашивают. Женщина какая-то, –заспанный с утра охранник с проходной зевнул в трубку. – Спишь под шапкой что ли?

Андрей оторвался от статьи. Кого могло принести в редакцию в девять утра в канун Нового года?

— Пропускай.

Андрей подошел к мигающему гирляндой окну. В разноцветном отблеске виднелась снежная улица в сумерках, силуэты прохожих, кто не успел закупиться. В редакции никого, только к обеду должен прийти Савельич, посмотреть статью, закрыть всё на праздники.

После вчерашнего разговора можно всего ждать. Когда брякнул звонок, Андрей испугался снова услышать мягкий, кошачий голос Павла Петровича. Тот спрашивал, как прошла поездка, правда ли кто живет на шахте. Андрей рассказал как есть. Сейчас, думал, начнет. Зачем звонит? Это же все через Савельича. И никаких кошачьих разговоров. Тогда Андрей писал в интернет и губернскую газету. Местечковые скандалы они печатали. Савельич ругался, но тем и кончалось. Павел Петрович только сказал «хорошо», и поздравил с наступающим. Остался осадок, чувство оборванности. Потом его все-таки вытянули отмечать праздник, Андрей немного отвлекся, и сейчас пришел пораньше, чтоб к обеду закончить. Написать хотелось горячо, но история с Катериной натужно стягивает грудь, и рабочей злости в Андрее нет, внутри не кипит, а стынет затвердело, словно впало в спячку. Может, это наружный, фантиковый слой, а тамвнутри горячо и лопнет в минуту.

Андрей обернулся на шаги в дверях. Там стояла и оглядывала праздничную редакцию Катерина.

— Привет. Что-то случилось? — подошел он, испуганно оглядывая её.

— Нет, — улыбнулась скованно. — Мне нужно тебе сказать. Ты можешь не делать статью о нас?

— Что? — Андрей с вниманием нахмурился. — Что случилось?

— Нет, нет, всё хорошо. Ты не подумай, мне ничего не нужно. Всё хорошо, — заученно повторяла она, смотрела с улыбкой и с выражением желанья, чтобы он сразу со всем согласился, и не нужно было ничего сложно разъяснять.

– В чем дело? Я уже пишу. Материал согласован, выйдет после праздников... Ты чего, что случилось? – Андрей заглянул ей за плечо, будто бы в коридоре стоял и слушал ещё кто-то. – Скажи мне, что такое?

– Понимаешь, – Катерина говорила так, точно готовилась выдать секрет. – К нам вечером, мы уже ложиться думали, приехали из администрации. Какой-то главный депутатих. И... нужно чтобы статьи не было. Совсем не было, он так сказал.

– Да они там совсем офонарели, – засмеялся Андрей, повернулся в сторону и зашептал. – Психи чёртовы. Тебя подсылать. Ну, всё, крышка им, – повернулся к Катерине. – Ну что ты такое говоришь! Не верь им! Они всегда так... пугают, а нам не страшно, правда? – Андрей широко улыбнулся ей. – Наговорят и забудут. Тут праздники ещё... а мы потом статью шендарахнем и будет им. Газета – как лопата. Лопатой копают землю, а газетой – проблемы. Вот я вас раскопал, и все должны увидеть. Поймите же, они работать будут, только когда нас бояться начнут! Для этого газета и нужна, понимаешь?

– Нет, Андрей, ты не понимаешь, – Катерина взяла его за руку. Он увидел страх в её распахнутых глазах и дрожащие губы. Она прошептала, словно боясь, что кто-то чужой услышит. – Нам квартиру дают.

– Как дают? – вздрогнул он.

– Двухкомнатная, второй этаж. Коммунистическая, дом двадцать четыре. Общежитиебывшее. Но там и ремонт делали – вода есть. Представляешь, горячая вода из крана! – тихо кричала она. – И батареи есть! И газ. Представляешь, газ! – дрожь с её губ перешла на все лицо и на все тело. Глаза заискрились звездочками. – Депутат этот сказал, прямо сегодня документы подпишем, чтоб точно. Я сейчас в администрацию, оформлять. Переедем, конечно, в январе. И школа там рядом, – казалось, Катерина должна сейчас заплакать, нотолько смотрела на Андрея не отрываясь. – Он только сказал, нужно чтобы статьи не было, совсем не было.

– А иначе что?

— Он всё отменит, — звездочки в её глазах почернели и провалились вовнутрь. — Так и сказал. И ничего не будет. Он сказал, по закону нас могут не переселять. Мы там в очереди...

— Три тысячи какие-то...

— Нет, две тысячи триста...

— Да знаю я, какие вы в очереди! Все мы в этой проклятой очереди! И ждут нас всех уже! — вдруг крикнул на нее Андрей и отошел в сторону. — Это же их всех засудить... засудить к чёртовой матери! — шипел он.

— Он сказал или сейчас все подписываем, или... там год другой, бюджет какой-то другой, отчетность...

Андрей с силой несколько раз потер ладонью лицо, словно хотел что-то стереть, повернулся в упор к ней.

— Но также нельзя! Понимаешь, нельзя! Ты видишь, что они делают? Это же теперь так и будет.

Катерина в страхе отшатнулась от него.

— Андрей, мы же тебе ничего не сделали! Мы не плохие, Андрей!

— Да что ты говоришь? — он подбежал, и чуть не схватил ее. — Где он? Он тебя привез?

— Да.

— Уехал?

Катерина молчала.

— Как, здесь стоит? — он ошалело посмотрел на неё и подбежал к окну. — Не вижу никого.

— Андрей...

Он остановился, присел на стол и стал смотреть в стену. Сидел долго и только смотрел.

Катерина подошла, протянула к нему руку, но не притронулась.

— Андрей...

Он посмотрел на нее удивленно, словно только заметил. И снова отвернулся к стене.

— Иди к нему и скажи, статьи не будет.

Она стала медленно отходить, пятясь.

– Подожди. Скажи ему, я знаю, кто он и чего хочет. И если он обманет, я наприем к губернатору поеду. Я грёбаное телевидение из грёбанной Москвы вызову! А потом спалю их балаган к чертям собачьим!

* * *

– Всё правильно. Самая что ни на есть журналистика в действии, – Савельич присел на соседний стол и задымил посреди редакции. – Они испугались и всё сделали. Ты заставил их уступить. И вся семья ещё в январе переедет, – он достал из шкафа у стола бутылку коньяка и рюмки.

– Вам звонили оттуда? – Андрей смотрел на коньяк.

– Эта девочка ещё прибежит тебе в ноги кланяться, – Савельич налил ему. Андрей покачал головой. – Ну, как хочешь, – он опрокинул рюмку в себя. – Скорее всего, за ЧП выдадут. Пожар там, или обрушение кровли. Деньги из фонда по ЧС. Еще будем статью делать о торжественном вручении ключей счастливым новоселам. Это же праздник какой-то! – гадливо усмехнулся Савельич.

– Точно, праздник, – Андрей повернулся к окну с гирляндой. На площади загорелась елка, собирался народ. Где-то шандарахалифейерверки.

– А это мысль. Предоставление долгожданного жилья нуждающимся. Статью назовем: «Первые шаги нового председателя». А может и уже «главы». И фото – Богомоллов вручает мальчику ключи. И портфель с учебниками.

– Валерий Савельич, но ведь никто ничего не узнает, – Андрей продолжал смотреть в окно на площадь и людей у елки.

Савельич поудобнее устроился на столе, выпустил сладковатое табачное облачко, и налил себе еще.

– Андюша, я рассказывал тебе, что наш новый председатель Богомоллов, вероятно, наш новый мэр. Чуть ли не Новый год и всё... а рассказывал я тебе, что он двоюродный племянник губернатора? Или, подожди, троюродный?.. – Савельич пустил по лбу морщину.

– Я знаю.

– А тут ты со своим баракком. Я вот всё думал, чего эта свора так забегала, когда я им про барак рассказал? А потом смотрю, Богомолдов-тожилищные вопросы курировал до избрания.

– Да, он приезжал на Рельсовую. Это где блокадница.

– И барак этот на его счету выходит...

– Ладно. Я все понял, – Андрей встал и собрался уходить.

– Подожди, – от Савельича снова разило знакомым сладковатым табачно-коньячным дыханием. – Ты хорошо отработал. И этот случай, и вообще. Я же понимаю, что эти все... – он провел кругом, – Я знал, что у тебя получится. Сделаем тебе благодарность от мэра. А то и от губернатора. Премию выпишем. Да и мне уже пора озаместителе подумать. – Павел Петрович на пенсию собирается.

– Спасибо, – Андрей отошел от Савельича, надел куртку. – Это прекрасно. И правда, праздник какой-то, – он обернулся в дверях. – Только согласитесь, мы же предали профессию?

* * *

Да брехня! – гаркнули над ухом, и Андрей увидел таксиста, который вез его на шахту. Он был свеж, румян, в руках бутылка шампанского. На площади кипело и грохотало. Шел снег. Сначала медленными, крупными хлопьями, затем повалил часто, с силой.

– Андрей, идите к нам! – Варвара Ивановна, окруженная пышным мехом, улыбалась ему и поднимала бокал. С ней в шапках деда Мороза Настя и Женя. Взрывались петарды, кто-то запускал фейерверк. Народ гулял.

– А, Шипулин! Как ваша сессия? – Андрей встретился взглядом с Алексеем Александровичем. Тот приветливо улыбался ему. Рядом с ним стояла Аня с огненной прической из института и девушка в норке с катка. Андрей хотел изобразить улыбку, но ничего не вышло.

– Привет, лопушок! – пахнула из толпы морозными духами красотка Женечка из пресс-службы. – Что суровый такой? – она ткнула Андрея пальчиками в бархатистой перчатке за нос. – Всё как я говорила?! На мэра уже приказ готов считай... Иван Алексеевич наш – теперь за рулем.

– Да, всё как ты сказала, – точно не ей, а кому-то другому – сказал Андрей.

– А вот и он, сейчас выступать будет! – Женечка подмигнула Андрею и упорхнула в толпу.

Позвонила мама, просила поспешить, все ждут, купи Павлику подарок, а Марина пришла в новом красном платье, ему понравится.

– Привет, земляки! С Новым годом, с новым счастьем! – на сцене стоял Богомоллов.– В этом году наш замечательный город стал еще красивее! – вокруг одобрительно зашумели. Он что-то сказал об успехах. – Но в будущем году нас ждут еще более позитивные перемены! Мы добьемся роста благополучия населения! – вокруг закричали «Ура!» и захлопали.

Андрей оглянулся на то место, где была редакция. Но там было совсем темно, и он не увидел ничего.

Мимопролетело несколько комков снега. В кого-то попало, кто-то возмущенно отряхивался. Стайка парней и девушек шныряла в толпе, играя в снежки. Рядом с Андреем прозвенел задорный смех, вопли, залихватские выкрики, закипела перестрелка. Андрея подхватила волна их резвости, он засмеялся в ответ, кинул снежок и тут же получил в лоб большим рыхлым комом. Мокрые хлопья растекались по всему лицу, застили глаза. Андрей не перестал смеяться, стал утирать глаза, когда нежная рука стала убирать снеговые ошметки у него с лица. Он открыл глаза и увидел перед собой девушку в пушистой шапке. Она заливисто смеялась и маленькой, розовой от холода ладошкой счищала с него белые талые хлопья. Он поймал ее за руку и заглянул ей в глаза. Она посмотрела в ответ и замолчала. Потом снова, по-детски, залилась, вырвалась и побежала догонять компанию.

Андрей пошел следом. То догонял ее в толпе и слышал трели смеха, то она растворялась среди праздника и веселья. Он все шел и шел за ней с выражением, точно увидел что-то необычайное. Перекрикиваясь и перестреливаясь, стайка парней и девушек уплыла с площади и растеклась по переулкам и дворам. Освещенная площадь осталась позади, стало темнее. Андрей еле

успевал за девушкой, она двигалась быстро, и даже когда он начинал бежать, никак не мог догнать ее, и только слышал впереди серебристый смех, и казалось, видел в метели темный контур фигуры.

Закончились этажные микрорайоны, пошла частная застройка. Андрей всё шел, спешил за ней, пока не оказался на окраине. Остановился у последнего дома, на дороге, ведущей за город. Вокруг никого, все на празднике. Девушки он не видел, не слышал ее смеха. Только собаки брехали в темноте. Сильный снег, густо валивший уже давно, теперь был подхвачен резвым ветром с поля. Над городом, завывая в трубах, задорно скользят проулками, стуча в окна и кружа над праздничной площадью, расходилась вьюга.

Андрей оглянулся на город, но не повернул обратно, а пошел в сизую зимнюю темень. Ветер лепил снегом навстречу. Андрей натянул шапку, поднял воротник, чуть ссутулился и пошел еще скорее. Наплохо чищенной дороге ноги вязли в снеговой каше. Снег густел, набирал силу, летел так, что вокруг всё исчезло. Андрей шел быстро и уверенно, и казалось, должен вот-вот куда-то прийти, но впереди стояла пустота на много километров, только дорога уходила вперед. Изредка он останавливался, оглядывался с опаской, словно ждал увидеть, как чьи-то блестящие глаза смотрят на него из этой пустоты.

В серой вьюжной мгле не было ничего. Он прошел еще, и в стороне от дороги выросла громоздкая тень. Свернул на узкую заметенную тропу, где утопал по колено, и оказался у старого высокого храма с чешуйчатым куполом. Андрей подошел к кованным воротинам, дернул за кольцо, но не смог оторвать. Он стал стучать в дверь, но никто не откликнулся. Привалился к двери, перевел дух. Поднялся снова и подошел к решетчатому окну. Никакой звук не доносился изнутри, никакая искра не дрожала в стекле. Храм был пуст и темен, так, что вьюжная ночь была светлее. Андрей смотрел в черное окно, пока вдруг не отшатнулся, будто увидел страшное, бегом бросился по заметенным следам на дорогу. Он снова оглянулся в сторону города,

где через вьюгу не было видно ничего, и побрел дальше.

Несколько раз он утыкался в сугробы на обочине, набирал ботинками снега в переметах. Его шаги становились короче, движения труднее. Стихия продолжала бушевать. Дорогу заметало. Сильно проваливаясь, Андрей шел всё медленнее, но шел еще долго, прежде чем, в который раз увязнув, упал на колени. Отряхиваясь, встал, прошел еще, пока снова не упал. Так он, спотыкаясь и поднимаясь, шел и шел, сжимая красные кулаки, смазывая с лица снег, пока не свалился в какой-то раз снова и не остался на месте.

Андрей сидел в снегу, смотрел на вьюгу, глубоко и трудно дышал. Иногда шевелился, собираясь встать, но смотрел в темноту и оставался сидеть. Его начало заметать. Снег залепил лицо и остались лишь глаза, которые протирал пальцами. Он всмотрелся во что-то впереди, хотел крикнуть, но раздался только слабый хрип. Тогда оперся на руки, выполз из сугроба, поднялся на колени, затем на ноги и снова, шатаясь, пошел. Впереди него, где-то за пределами завесы вьюги, искрилась точка. Скоро Андрей увидел, что там огонь.

Среди поля, под высоким деревом на обочине пляшет большой костер. С двух его сторон в снег воткнуты рогатины, на перекладине в пламени болтается котелок. Вокруг хлопочет, укутанный то ли в шкуры, то ли в меха, бородатый старик.

— Проходи, проходи, садись. Сейчас готово будет, — он показал на пенек у костра.

Еле двигаясь от холода, Андрей свалился на пенек и вытянул к огню руки и ноги. Старик что-то упаковывал в дорожный мешок, потом достал из него какие-то тряпки. Протянул Андрею ломоть хлеба, нож.

— Эка, метет!

— Я вас знаю, — Андрей смотрел на грубое, в морщинах, и все же красивое лицо. — Тогда, у магазина, вы за мной шли, и я вас ударил. Еще вы кричали что-то...

— У какого магазина? — улыбнулся старик. — Господь с тобой. Я ж не здешний. Так, мимоходом. Чего-то ты запутался, парень.

На-ка, выпей, – и протянул парящую кружку.

Андрей попробовал и отпрянул.

– Молоко?

– С медом! Отличный обогрев! – сощурился и подмигнул старик. Одет он во что – то лохматое, на ногах толстые обмотки. Руки тоже в обмотках, так что наружи остались только кончики пальцев. Большой деревянной ложкой он отхлебнул из котелка.

– Ого, самый раз! Так, хорошо, – он достал из мешка две миски и ложки. – Держи-ка! Надо подкрепиться.

Руки у Андрея дрожали, но он смог взять миску, ложку и отхлебнул.

– Вкусно.

– А то! – снова усмехнулся старик. У него было лицо, с которого, казалось, не сходила улыбка. Они стали есть.

– Ну и, слава богу! Сейчас погреемся и пойдем, – старик оглядел Андрея. – Так дело не годится. – Он покопался в своем бездонном мешке, достал валенки, телогрейку и ватные штаны.

Андрей стянул пальто, ботинки, штаны натянул поверх валенок, до шапки замотался шарфом, так что остались одни глаза.

– Шапка у тебя ничего, – похвалил старик. – Держи вот еще, – протянул ему пару овчинных рукавиц. – Дело? – подмигнул заливхватски.

– Тепло, – улыбнулся Андрей.

– Скоро пойдем, – огляделся старик.

Вьюга заметно стихла. Белые вихри не вылетали из темноты, а тихо кружили над головой.

– Как звать-то тебя? – старик паковал мешок.

– Андрей.

– А меня Иван. Ну что, пора и честь знать? – старик знакомым прищуром посмотрел на него.

Андрей кивнул, встал, связал в котомку пальто и ботинки.

Непогода кончилась, ветер растрепал облака. Пухлая, сияющая луна осветила равнину, спящую под новым снегом. Безмятежные поля и тенистые овраги, бурлящие подо льдом речушки и лесополосы пересекала цепочка следов. Путники шли спокой-

но и твердо, след в след. Дышали размеренно, глубоко и молчали. Когда легкое облако закрыло луну, они растворились в густой, обнимавшей все кругом темноте, за пределами которой далеко впереди из-за зубьев леса предрассветным мерцанием выглядело новое утро.

декабрь 2014 – февраль 2015 года. М.